

Антон Корнилов
Роман Валерьевич Злотников
Урожденный дворянин. Мерило истины
Серия «Урожденный дворянин», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6689032

Злотников, Роман Валерьевич Урожденный дворянин. Мерило истины : [фантастический роман]:
АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081542-5

Аннотация

Очень немногие знают его настоящее имя.

Никто не знает предел его возможностям.

Но все знают наверняка: он – не такой, как все.

Ведь там, откуда он пришел, все по-другому.

Он уверен: воин служит не за зарплату, довольствие и жилплощадь, и даже не ради удовлетворения амбиций, а чтобы защищать честь своего Отечества. Но как могут защищать честь Отечества те, кто позабыли о собственной чести?

А еще он знает, что лишь практика – мерило истины. И сначала нужно попытаться что-то изменить, а уж потом утверждать, возможно это, или нет.

Ему нельзя иначе.

Ведь он – урожденный дворянин.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Роман Злотников, Антон Корнилов Урожденный дворянин. Мерило истины

Пролог

– Главное, чтобы не сквозило нигде, – возбужденно прошептал Валька, оглянувшись на закрытую дверь.

Виталик тоже повертел головой, оглядывая класс, где никого, кроме них двоих, не было.

– Окна закрыты, – сообщил он. – Может, под дверь тряпку засунуть? А то, кажись, по ногам тянет...

– Засунь, – разрешил Валька. – Для чистоты эксперимента.

Тряпка, предназначенная для вытирания доски, оказалась слишком мала, чтобы полностью закрыть щель между дверью и порожком. Виталик стащил с себя легкую спортивную куртку с крупной надписью «ADIDAS» на спине, бросил ее на пол и ногами забил под дверь.

– Ну? – спросил он, повернувшись к Вальке.

Тот уже сдвинул две парты по обе стороны прохода поближе – так, чтобы между ними мостиком держалась длинная ученическая линейка – и теперь привязывал к середине этого «мостика» нитку, на конце которой крепился крохотный серый кирпичик ластика.

– Готово, что ли? – поторопил его Виталик.

– Сейчас, погоди... Вот... Готово! Можно начинать...

Оба «карася» (так в саратовском детском доме номер четыре называли воспитанников младшего отделения) уселись прямо на пол в проходе лицами друг к другу. Ластик маятником покачивался между ними.

– Сейчас успокоится... – очень тихо проговорил Валька и неловко поправил на носу очки с мутноватыми, захватанными пальцами линзами. – Успокоится, тогда увидишь. У меня уже два раза получалось...

– Не может такого быть, чтобы получилось, – убежденно мотнул головой Виталик.

– Не веришь?

– Да не в этом дело: «верю, не верю»... Просто не может такого быть – и все. Сам прикинь: управлять этими... психическими импульсами, чтобы они через межпространство нашу реальность меняли, может только тот, кто до третьей ступени Столпа добрался. А ты разве добрался? Ты еще и первую ступень не осилил, как и все мы... которые Столп Величия Духа постигаем. Ну, кроме Нуржана, конечно... Он-то уже скоро на вторую ступень выйдет.

– Но у меня же получалось, – сосредоточенно глядя на ластик, замедляющий свои колебания, негромко проговорил Валька. – Я же знаю, что у меня получалось...

– Тебе показалось, наверное, – предположил Виталик. – Когда чего-то очень хочешь, иногда начинает чудиться, что это уже случилось. Вот помнишь, к нам американцы приезжали... давно еще, до того, как Олег появился?

Валька кивнул, не сводя глаз с покачивающегося на нитке ластика. Он хорошо помнил эту заокеанскую пару: худого сутулого мужчину, почти лысого, но тем не менее имевшего пониже затылка жиденькую косицу, и неуклюжую толстую женщину в обтягивающей одежде, из-за обилия телесных складок похожую на многослойного сплющенного снеговика. Он, Валька, тогда еще удивлялся тому, как мгновенно и безошибочно просчитывались в этих людях иностранцы – с первого взгляда, еще до того, как успели заговорить... должно быть, по чересчур жизнерадостной мимике и каким-то... мультяшным движениям...

– Ходили, выбирали, кого усыновить, – продолжал Виталик доверительным, без тени смущения тоном, каким говорят с самыми близкими людьми. – Еще, паскуды, смотрели так на каждого, разговаривали с каждым так... будто его уже и выбрали. Я потом целый месяц ждал, когда меня Мария позовет. Несколько раз прямо слышал: «Гашников! Виталий!» В коридор выбегал. А там никого... Вот, может быть, и ты так же?

– Нет, – уверенно ответил Валька и снова поправил очки. – Мне не показалось. Слушай, не отвлекай, ладно? Ничего не говори.

Наконец, ластик замер.

– Все, – не удержался от комментария Виталик, – успокоился.

– Теперь вообще не двигайся, – прошептал Валька. – Только смотри. Лишь бы не помешал никто...

Виталик молча кивнул. И даже отодвинулся чуть подальше – видимо, чтобы дыханием ненароком не качнуть ластик.

Валька снял очки, отчего глаза его стали большими, выпуклыми и блестящими. Он сосредоточился на сером неподвижном кирпичике, зависшем над потертым линолеумом, мысленно исключив из внимания все остальное. Привычно копошащиеся мысли постепенно затихли, и в голове возникло ощущение той щекочущей невесомости, когда совершенно исчезает осознание окружающего пространства и текущего сквозь это пространство времени.

Виталик, однако, ничего подобного не чувствовал. Минуту он просидел, неотрывно глядя на ластик, потом заскучал и стал коситься по сторонам. На исходе третьей или четвертой минуты (мальчишке показалось, что прошло никак не меньше четверти часа) он неожиданно для самого себя зевнул, клацнув зубами. Почувствовав вину за свой шумный зевок, Виталик испуганно посмотрел на Вальку, но тот сидел, вцепившись взглядом в неподвижно висящий ластик, и конфуза, кажется, не заметил.

Спустя какое-то время Виталик зевнул уже умышленно, давая понять товарищу, что ожидание заявленного фокуса слишком затянулось.

Валька не шелохнулся. И когда в коридоре забубнили голоса и застучали шаги, Виталька даже обрадовался.

– Идут сюда... – тихонько прошептал он, шевельнувшись. – Во... Евгешу слышу. И еще кого-то. Много народу... Валь!

Валька очнулся. Недовольно поморщившись, он дернул плечами и провел ладонями по лицу.

– Все равно ж ничего не получалось, – ответил Виталик на безмолвный укор товарища. – Час, что ли, тут сидеть...

Валька надел очки. Голоса за закрытой дверью звучали необычно громко, резче всего была слышна скороговорка Евгеша – Евгения Петровича, директора детдома. «Муниципалитет... произвол... жаловаться...» – подпрыгивали в этой почти неразборчивой торопливой речи отдельные поддающиеся опознанию слова.

«Караси», быстро убрав линейку с ластиком, подбежали к двери. Виталик поднял свою куртку, наскоро отряхнул ее и сунул руки в рукава. Валька, приоткрыв дверь, выглянул в коридор. Делегация, состоящая из Евгеша, еще трех мужчин в строгих костюмах и одной дамы в длинном и тяжелом, словно кожаном, неприятно шуршащем платье, как раз проходила мимо класса.

– Вы мне основания дайте! – горячился, размахивая руками, идущий в авангарде делегации Евгений Петрович. – Дайте основания! С какой стати, скажите, нам вдруг собираться и переезжать?

Мужчины хранили молчание, кажется, вовсе не слушая директора. Зато с явным интересом смотрели по сторонам. Дама шла рядом с Евгением Петровичем, чуть отставая –

видно, это к ней в первую очередь обращался Евгеша. Жирно покрашенные губы дамы были сложены в снисходительную улыбку, а густые брови приподняты. Лицо выражало готовность, дождавшись паузы в речи директора, произнести со вздохом: «Что за чепуху вы несете, взрослый же человек...»

– Никакого ремонта помещению не требуется! – продолжал Евгеша. – Четыре года назад был проведен капитальный ремонт, документальное подтверждение есть... Желаете ознакомиться?

– Евгений Петрович, уважаемый, – заговорила дама размеренно и терпеливо, как говорят с людьми, влезшими зачем-то в дело, в котором не разбираются. – Речь идет вовсе не о ремонте. А о реставрации. Помещение, занимаемое в данный момент вашим детским домом, располагается в старинном здании, представляющем историческую ценность. Согласна, здание пригодно для эксплуатации, но вот фасад находится в плачевном состоянии. И мы, как представители районной администрации, просто обязаны...

– Ну и реставрируйте фасад, сколько вам угодно! Зачем же нас переселять?!

Брови дамы поднялись еще выше:

– Евгений Петрович, как вы себе это представляете? Ведутся работы, на стенах леса, на лесах строители с инструментами и... прочим. И вокруг дети! А если кому-нибудь из них кирпич на голову упадет? Или какой-нибудь... мастерок? Кто отвечать будет?..

– Я вообще не понимаю, какого дьявола вам фасад наш не понравился? Столько лет не обращали внимания, и тут – на тебе! Мало, что ли, в районе других памятников старины, которым реставрация требуется?

– Евгений Петрович, переселение это временная мера. Вре-мен-на-я!..

– Опять эти... пиджаки... – выглянув вслед за Валькой, прошипел Виталик. – Поведись, гады. Неужто и правда выселят нас отсюда?

Делегация удалялась по коридору.

– Переселят, – поправил Валька, глядя в покачивающиеся спины. – Не выселят нас всем. Не имеют права. Только, я слышал, переселять нас будут в какие-то бараки на самой окраине.

– Да, и я слышал...

– Хотя... если ненадолго, то ничего страшного, наверное.

Виталик по-взрослому усмехнулся:

– Ненадолго! Сейчас начнут, до холодов даже раскататься не успеют. А зимой кто ж строительством занимается? Будут раз в неделю приходить ковыряться. По-настоящему только летом примутся. И, конечно, за лето ни фиги не успеют. Тебе приходилось в бараке зимовать? А я зимовал, когда у бабки жил. Удовольствие ниже среднего...

Они вернулись в класс и прикрыли за собой дверь.

– Может, еще раз попробуем? – сказал Валька, вертя в руках линейку. – У меня ведь получалось! Я тебе зуб даю, у меня грузик на нитке дергался, как бешеный, я его заставлял.

Он снова положил линейку концами на две соседние парты. Снова неторопливо закачался на ниточке ластик.

Виталик шмыгнул носом.

– Попробовать-то можно, – проговорил он, глядя в сторону. – Только... Давай, потом как-нибудь? Ты устал, наверное. Этими... психическими импульсами управлять ведь нелегко. Нет, я тебе верю, но...

– Не веришь, – сказал Валька.

– Ну, сам посуди, – не став отрицать этого, заговорил Виталик, мягко и будто извиняясь. – Ты же знаешь: первая ступень Столпа Величия Духа – это познание своего тела, полное его подчинение и умение использовать скрытые резервы организма. – Виталик барабанил, как по писаному. – Ты первую ступень осилил? Ни фиги. Дальше: получение полного

контроля над психоэмоциональной деятельностью. Это вторая ступень. Вот на вторую поднимаешься, тогда и сможешь...

– ...сложив воедино полученные умения, изучать основы применения теории феномена эфирных колебаний, чтобы иметь возможность влиять на реальность нашего мира через межпространство, – перебив его, заученно договорил Валька. – А это третья ступень Столпа Величия Духа. Что я, не знаю, что ли?

– А если знаешь, чего выдумываешь? У нас никто еще не умеет предметы взглядом двигать...

– Не взглядом, а психоэмоциональными импульсами.

– Один черт. Никто не умеет. Ну, кроме Олега. Он Евгешу и Нуржана только несколькими упражнениям научил – которые для первой ступени. И те несколько лет натренировывать надо. А ты сразу на третью ступень прыгнуть хочешь! Считаешь, все так просто? Раз два и само собой получилось?

– Да ничего я не считаю! – отмахнулся Валька. – Я просто попробовал как-то – и получилось. Я же не виноват, что получилось? Мне самому от этого... ну, неудобно как-то, что без обучения. Я поэтому ведь, кроме тебя, и не говорил никому...

Дверь широко распахнулась. В класс, мельком взглянув на вздрогнувших «карасей», вошли двое мужчин.

– Вот, глянь, какое хорошее помещение! – объявил с порога один из вошедших, очень полный и казавшийся еще толще благодаря пуховику с лоснящимся меховым воротником. – Окна большие, светло... Мне очень нравится. Для кабинета – самое то.

Второй мужчина был ростом пониже, охватом поуже и одеждой попроще. Он сразу двинулся вдоль стены, деловито обстукивая ее кулаком.

– Как строили-то раньше, Василий Егорыч! – проговорил он. – На века!

– И отлично, что на века, – согласился полный. – Мы ломать ничего не собираемся. Но перегородочку вот тут, глянь, надо поставить, как ты считаешь? Для приемной.

– Хорошо! – уважительно похвалил второй мужчина. – Очень хорошо... Пойдемте, еще посмотрим, Василий Егорыч?

– Пошли, пошли...

«Караси» переглянулись. Мужчины, продолжая переговариваться, покинули класс.

– Нет, ты слышал?! – на выдохе воскликнул Виталик. – Слышал? Перегородки они тут ставить собираются... Суки!

– Надо Евгеше сказать, – кивнул Валька, у которого даже линзы по краям чуть запотели от волнения. – А то эта... с губами... ему лапшу вешает: мол, временная мера.

– Нет, какие суки! – лицо у Виталика было такое, будто он вот-вот расплачется. – Даже не стесняются... Взять бы – да стулом по башке!

Валька облизнул губы. У него сильно колотилось сердце.

– Не истери, – медленно проговорил он. – И не ругайся. Постигаешь Столп Величия Духа, а себя в руках держать не можешь... как малолетка.

– У тебя самого губы дрожат. Бежим скорее!

Виталик кинулся к двери. Валька задержался, чтобы забрать «прибор», с помощью которого собирался провести показательный эксперимент. Он вернулся к партам, соединенным через проход мостиком-линейкой, и потянулся к подвешенному на нитке ластiku. Но едва шевельнув рукой, Валька почувствовал, как кончики его пальцев кольнуло чем-то горячим и острым.

Ластик вздрогнул, чуть подпрыгнув на нитке, сильно качнулся в сторону, взлетев так, что нитка вытянулась параллельно полу, – и застыл, едва заметно подрагивая, будто найдя в воздухе опору.

Валька отдернул руку. Ластик словно сорвался с невидимой опоры и закачался.

– Чего ты там возишься? – крикнул Виталик из коридора. – Давай скорее!

– Сейчас, – отозвался Валька хрипло.

Он снова протянул руку к ластiku, мысленно приказывая ему повторить только что продемонстрированный трюк. Но ничего не произошло. Ластик качался на нитке в соответствии с законами физики. И кончики пальцев Вальки больше не покалывало.

– Валь! Уснул?

– Получилось! – хотел было закричать Валька, но вовремя сообразил, что никаких доказательств у него нет, заставить ластик проделать то же, что и пару секунд назад, не выйдет. Почему-то он не мог управлять этой внезапно проснувшейся способностью.

– Иду! – ответил Валька и сунул линейку с ластиком за пазуху.

Часть первая

Глава 1

Женя Сомик за свою жизнь так и не приобрел прозвища – ни в школе, ни на улице, ни теперь, в армии. Функцию прозвища успешно выполняла фамилия. Мало того, что она сама по себе была довольно забавной, она еще и очень подходила своему носителю. Женя был юношей крупным, круглолицым, с узкими, точно всегда прищуренными маленькими глазками, и при всей своей неуклюжести обладал удивительной способностью незаметно растворяться в пространстве, словно в мутной воде, если вдруг назревала ситуация, угрожавшая чем-то нехорошим.

Сомик вырос в маленьком поселке Саратовской области, в семье местной интеллигенции. Мать трудилась директором школы (единственной на три окрестных поселка), а отец был баянистом. В молодости, еще до рождения сына, Сомик-старший объездил в составе ансамбля народных инструментов полстраны, а теперь с утра до вечера ковырялся в огороде, ходил за скотиной, и баян брал в руки исключительно по праздникам, предварительно пробудив вдохновение изрядной дозой алкоголя.

До восемнадцати лет Женя жил, вяло созерцая реальность, но не имея ни малейшего желания соприкоснуться с ней плотнее, чем его к тому вынуждала социальная роль. Сверстников он сторонился, инстинктивно побаиваясь их шумного общества, а те – хоть он и являлся удобным объектом для насмешек и издевательств – его не трогали: должность Жениной родительницы служила последнему надежной защитой. На поселковую дискотеку Сомик сходил лишь однажды, постоял в сторонке и заметив, что на него начали обращать внимание, неслышно ускользнул в темноту. От непрерывной помощи по хозяйству Женя тоже предпочитал увиливать, не уставая изобретать отговорки (уроков много, живот что-то болит, голова кружится...), книги его не интересовали, даже увлечение компьютерными играми его почти не коснулось... Единственным развлечением, не оставившим его равнодушным, были телевизионные сериалы. Молодежные, юмористические, женские, детективные – все равно какие. Сомика привлекали именно сериалы, его завораживала предопределенность сюжетов, повороты которых легко можно было предугадать до самых мельчайших деталей; а типовые персонажи, ни при каких обстоятельствах не могущие вырваться за рамки стандартного для своего типа поведения, нравились Жене куда больше реальных людей. Вот бы и в его поселке жизнь стала такой же понятной, интересной и безопасной, как там, за экраном телевизора.

Последний школьный год Сомик прожил в смутной тревоге: близился выпускной, а за ним – предстоящий переезд в город. Мать настаивала на том, чтобы Женя поступил в пединститут, и уже подыскала ему комнату в квартире какой-то престарелой дальней родственницы. Она даже начала потихоньку подпитывать захиревшие за ненадобностью кровные узы деревенскими молочком, сметанкой и яичками. Здравый смысл подсказывал Сомику, что предстоящая ему студенческая жизнь не будет такой незамысловато-увлекательной, как в известном сериале...

Но еще до выпускного суровая реальность жилистым кулаком вдребезги разбила хрустальный колпак, под которым восемнадцать лет уютно дремал Женя. Контролировать проведение единого госэкзамена в поселковую школу прибыл не знакомый инспектор, за последние несколько лет ставший практически другом семьи Сомиков, а какой-то новый, никому не известный. Экзамен провалили все ученики до единого.

И в сознании Жени огненными буквами вспыхнула бальтасарова надпись: АРМИЯ...

То, что происходило с ним в последующие несколько недель, Сомик почти не запомнил. Как будто его засунули в огромную коробку с великим множеством разнообразных отсеков и жесточайшим образом эту коробку трясли, чтобы Сомика перекидывало из одного отсека в другой. Самое ужасное состояло в том, что каждый отсек этой чудовищной коробки был обитаем: какие-то люди, чужие и недобрые, кричали на Женю, постоянно чего-то требуя – одеться, раздеться, сесть, встать, открыть рот, расписаться, отвечать на вопросы, идти туда, идти сюда... Те, кто бултыхался по коробочным отсекам вместе с Сомиком, тоже никак не могли оставить его в покое – толкали, отдавливали ноги, орали в уши... И главное, некуда было деться от этого кошмара, нельзя было как обычно ускользнуть в тишину и покой, и некому было Сомика защитить. Сначала с ним рядом была мать, непривычно тихая и робкая, совсем не такая, какой он знал ее в школе и дома, но потом и мать куда-то подевалась. И остался Женя совсем один, в очередном отсеке, неустойчивом, грохочущем, куда-то мчащемся, полном незнакомых людей, одетых в такую же, как у него, жесткую казенную одежду, воняющих потом, куревом и водкой. Он бы совсем сомлел в трясине липкого страха, если бы не вернул его к реальности раздавшийся совсем рядом рявкающий окрик:

– Эй, пацаны, из Саратова есть кто? Екарный компот, только что вокруг одни земляки были... перетасовали всех на станции, хрен что разберешь... Пацаны! А из области есть, из Саратовской?

– Я! – пискнул Сомик.

К нему тут же протиснулся узколицый парень с торчащими, как крылья нетопыря, оттопыренными острыми ушами. Лицо парня показалось Сомику знакомым.

– Из Саратова, что ли? – приблизив свое лицо к лицу Сомика, спросил лопухий. – Земляк, что ли?

– Земляк... Из Саратова... Почти.

– Чё-то я тебя по распредпункту не помню...

– А я тебя помню, – заверил Сомик. – Ты сигарету у меня два раза просил, потому я тебя и запомнил. А я не курю.

– Да? Ну, наверно... Земляк, значит? Из Саратова?

– Не из самого... Саратова.

– А откуда?

Женя проговорил название своего поселка.

– Чё-то не слышал, – чуть покривился лопухий. – Это где такой?

Женя сбивчиво начал объяснять, но лопухий его не дослушал.

– Ну, один хрен, из одной области мы с тобой. Я из Энгельса, знаешь, да?

Этот город, соединенный с Саратовым мостом через Волгу, Сомик, конечно, знал. О чем тут же с радостью сообщил своему новому знакомому. Тот протянул Жене крепкую мосластую руку:

– Двуха!

– А? – не понял Женя.

– Ну, Двуха. Погоняло такое. А так, по-правильному – Игорь зовут. Анохин Игорь. А тебя как?

– Со... Евгений, – ответил Сомик, пожимая протянутую руку. И спросил, удивляясь собственной храбрости: – А почему – Двуха?

– Да это давно... с детства еще. Малым был, дразнили: «Эй ты, голова-два уха!» А потом просто: «Два уха». А потом еще сократили, а то выговаривать неудобно.

Игорь-Двуха, сгорбившись, коряво навис над Сомиком, закрыв его от всех, и, понизив голос, спросил:

– Ты водку употребляешь?

– Ага, – кивнул Женя, хотя водки никогда не пробовал, на домашних застольях ему полагался только стакан пива или – в крайних случаях – рюмочка смородиновой наливки.

– Да, говно-вопрос, конечно, употребляешь, – хрипло рассмеялся Двуха. – Что ты, не мужик, что ли... Пошли, у нас есть маленько, только не водка, спирт. Притырено, чтоб не нашли. Я сам же и притыривал. Знаешь, как? Берешь сырое яйцо, баяном оттуда все жидкое вытаскиваешь, и спиртягу, значит, заливаешь тем же баяном. А дырочку в скорлупе зубной пастой замазываешь. Понял?

Сомик ничего не понял: как это – баяном? Трубочкой, что ли, яйцо и баян соединять и мехами выкачивать-накачивать? Но уточнять не решился. Просто кивнул.

– Это меня братан мой старший научил, – договорил Двуха. – Он сам так в часть ехал... давно уже, еще по два года служили. А наши-то олени поллитровки по трусам распихали, думали, никто не просечет... Офицеры ж не дураки. Видал, как шмонали? Профи! Теперь им, шакалам, ханки хоть до Владивостока хватит. Ладно... Значит, двое нас, земляков, в вагоне. Ты третьим будешь. Гы-гы, третьим будешь!.. – Двуха посмеялся собственному нечаянному каламбуру и добавил: – Ну что, пошли, что ли?

И они пошли. Второй земляк сидел, вольготно развалившись, за столиком бокового места. В отличие от лопоухого и кривоногого Двухи, богатырским сложением не отличавшегося, этот парень был высокий, красивый (Сомик тут же подумал, что с такой фактурой и внешностью он вполне мог бы исполнять главную роль в каком-нибудь сериале).

– Во! – представил Сомика Двуха. – Это Женек. С нашей области, Саратовской. Земляк наш!

– Александр! – блеснул улыбкой парень и протянул руку над столиком, заваленным разнообразной снедью.

– Давай, за знакомство! – негромко провозгласил Двуха и сунул Сомику яйцо, в котором неслышно качнулась жидкость. – Вот дырка, гляди, я ее побольше расколупал... Голову запрокинь и лей прямо в глотку, не на язык только старайся...

Не понимая, зачем он это делает, Сомик зажмурился и опрокинул в себя нечто, оказавшееся порцией жидкого огня. Моментально у него перехватило дыхание, глаза затуманились слезами... а в руках откуда-то появился пластиковый стаканчик. Сомик одним глотком осушил стаканчик – в нем оказался апельсиновый сок – и только тогда обрел возможность выдохнуть.

Почти сразу же ему стало очень хорошо. Повинуясь приглашающему кивку Александра, он уселся за столик, а Двуха утвердился в проходе на корточках. Вагон ритмично громыхал, раскачиваясь, разногласило гудел, и гул этот то и дело взрывался гортанным гоголом. И если еще минуту назад Женя ощущал себя дрожащим куском мяса в клетке с рычащими хищниками, то теперь ему совсем не было страшно, даже несмотря на то, что раньше на него почти никто внимания не обращал, а сейчас окружающие посматривали с откровенно враждебной завистью.

Они употребили еще по яйцу, и кровь в теле Сомика вдруг заструилась щеко-чуще-горячо, а голова стала легкой-легкой, как шарик с гелием. На своих новых знакомых он смотрел с умилением, граничащим с искренней любовью.

Игорь, удерживающийся на корточках на трясущемся и подпрыгивающем полу вагона прямо-таки с обезьяньей ловкостью, непрерывно трепался.

– В одну часть едем, пацаны! – вещал он. – Мы земляки, нам вместе держаться надо, особенно первое время. Сейчас, конечно, армейка не то, что раньше, но все равно... Будешь хлебалом щелкать, враз нагнут. Так вот, чтобы не нагибали – будем друг за друга стоять. Прямо насмерть стоять, пацаны! К тому же, я тут маленько справки навел: часть, куда мы едем, того... не самая лучшая в округе. И с дедовщиной там тоже не все так просто...

Александр помалкивал, лениво луща пальцами фисташки из большого пакета. А Сомик кивал, преданно заглядывая в глаза то ему, то Двухе. Женя чувствовал, что жизнь снова начала обретать вполне определенные очертания. В эту минуту он действительно готов был на что угодно, только бы эти уверенные в себе и окружающей реальности парни не выкинули его из своей компании, куда ему по счастливейшему стечению обстоятельств удалось попасть.

– В армейке что главное? – продолжал разглагольствовать Двуха. – Себя сразу поставить так, чтобы уважали. Никакого нытья или там... прогибонов каких. Мы вот – банда, теперь нас хрен нагнешь всех троих разом. Только кто к нам подкатывает – сразу в отмах идем. Получается что? Получается, дедам легче кого другого напярч, а нас не трогать. Не, борзеть сверх меры тоже не надо. Просто показать... как это?.. Показать, что у нас стержень есть! А уж потом, как шарить понемногу начнем, так можно к тем, кто в авторитете, подход найти. А чего? Везде люди, со всеми дружить можно... В армейке-то, в принципе, такие же понятия, как и на гражданке: не стучи, не крысятничай, не чуханься, ответ за себя держи... И все будет, пацаны, нормалек.

Сомик и не заметил, как над ними закачалась багровая физиономия старшины – словно красный фонарь на голландской улочке в ветреную погоду.

– Пьете, что ли, черти? – гаркнул старшина, подозрительно осматривая загроможденную продуктами поверхность столика. – А ну, встать! – отвесил он Игорю-Двухе звучный пинок. – Чего проход загородил?!

Игорь сразу вскочил. Женя тоже хотел подняться, но ноги его не слушались.

– Да какой «бухали», товарищ старшина? – напористо стал отговариваться Двуха. – У нас тут сок, водичка минеральная... Ни водки, ничего... Хотите бутерброд?

– Вижу ведь по рожам, что бухали! – гаркнул снова старшина, проигнорировав щедрое предложение призывника. – Куда спрятали? Ну-ка, дыхни! – обернулся он к Двухе.

Тот вытянул губы трубочкой, точно хотел старшину поцеловать, и легонько подул.

– Во! – обрадовался старшина. – Я же говорил!.. Быстро мне бутылки отдали! Ну? Два раза повторять?

Тут встал Александр.

– Выпили немного, не отрицаю, – вежливо улыбаясь, проговорил он. – Только больше ничего не осталось. Мы и захватили-то с собой – по плоточку.

Это было правдой. Волшебные яички Двухи к тому моменту закончились. Физиономия старшины побагровела еще больше.

– Ты тут самый умный, да? – заревел он.

Женя замер от ужаса. Надо же, только ему показалось, что жизнь вроде начала налаживаться, и вот... Но Александр, кажется, ничуть не испугался. Он наклонился к уху старшины и что-то тихо ему сказал. Тот поморщился, подумал... снова поморщился и, буркнув Александру:

– Давай за мной! – двинулся в обратном направлении, к купе проводников, оккупированному на время поездки сопровождающими призывников офицерами. – Сейчас разберемся с тобой, с умником...

– Что теперь будет? – проскулил Сомик, когда Александра увели.

– Да чего ты ноешь-то? – проговорил Двуха, посмотрев на Женю несколько удивленно. – Все путем будет.

– Я не ною, – постарался принять независимый вид Сомик. – Я за него беспокоюсь. Сам же говорил: один за всех и все за одного. Мы ведь банда.

– Банда! – подтвердил Двуха. – Да ты за него не переживай. Сашок наш – пацан не простой. Я еще на распредпункте про него все узнал. Ну, то есть, он сам мне рассказал... Он из Разинска, знаешь, городок такой? Там зона еще поблизости, где мой дядька последний

срок отбывал. Так вот... – парень выдержал многозначительную паузу и договорил: – Батя нашего Сашка – мэр этого самого Разинска. Понял?

– Ну-у... – неуверенно протянул Сомик. – А чего ж он служить пошел, если... его батя – мэр?

– То-то и оно! – ухмыльнулся Двуха. – Значит, надо было, если пошел. В этом самом Разинске не развернешься, так Сашок, значит, в Саратов тусить ездил. Ну и... в клубе там какому-то дятлу нос набок свернул. Приняли его мусора, а у него еще и колеса были с собой какие-то. Если бы в родном городке, так ничё бы ему и не было, отпустили бы, извинились и до дома с мигалками проводили... а дятлу клюв вообще оторвали, чтоб знал, на кого бычить. В общем... Он сам подробно не рассказывал, но я так понял, что дело по уголовке на него все-таки завели, даже два. Потом одно закрыли, типа, за отсутствием состава... А потом и второе закрыли. А потом снова завели, потому что тот дятел вонь поднял. Короче, от греха подальше поехал Саша в армейку, возраст-то подходящий. Ну? Теперь понял?

Женя помолчал. Потом пожал плечами. До него никак не доходило, что же он должен еще понять?

– Ты, братан, чё-то какой-то малахольный, – сощурился Двуха. – Ты того... гляди... нам такие не нужны, косяки только пороть будешь, а нам расхлебывать...

Сомик похолодел.

– Ладно, не ссы, – смилостивился Игорь. – Мажор наш Сашок, вот что. Бабла у него немеряно. Такого земляка иметь – жирно жить будешь...

Тут вернулся Александр, похлопывая себя по ляжке на ходу полулитровой пластиковой бутылкой «Колы». Жидкость в бутылке была подозрительно рыжего цвета.

– Бабло побеждает зло! – высказался он, усаживаясь обратно на свое место.

– Чё, проблема решена? – осклабился Двуха, снова опускаясь на корточки в проходе.

– А то... Сразу две проблемы решены, – уточнил Александр. И протянул ему бутылку: – На, глотни...

Игорь понюхал горлышко, осторожно отпил и охнул:

— Кони́на, что ли?

– Так точно, коньяк, – сверкнул зубами Александр.

– Ну ты вообще!.. – закрутил головой Двуха и, глотнув еще раз, хлопнул парня по колену (до плеча ему в его положении было не дотянуться). – Как ты их... шакалов вонючих, построил! Командор, короче!

Эта оценка Александру очень понравилась. И Двуха за это сразу же уцепился.

– Вот! – сказал он. – И погнало тебе нашлось, братан! Будешь Командором! Ну, давайте, пацаны, за нас, за земляков! Земляки должны друг за друга стоять! Мы банда, пацаны!

* * *

Утром следующего дня Сомик проснулся еще до оглушительного: «Па-а-а-а-а!!!» В вагоне коллективный храп колыбал густой спертый воздух. Колеса под полом стучали редко и негромко. За окнами в сереньких туманных сумерках проплывали черные силуэты деревьев, иногда между ними можно было увидеть тоскливо покосившиеся, темные и явно давно покинутые избы.

«Подъезжаем», — понял Сомик.

Во рту у него было сухо, глаза и лоб давило несильной, но противной болью. Всплыли в сознании вчерашние события, и Женя неожиданно для самого себя улыбнулся. Сумбур и ужас, подстерегавший его за поворотом судьбы, схлынул. Теперь происходящее более-менее ровно укладывалось в привычные для него рамки. Сомику показалось, что он уже может

разглядеть свое будущее, предугадать его, как всегда предугадывал сюжетные перипетии любимых сериалов... Трое парней, таких разных (типичный «реальный пацан», типичный представитель золотой молодежи и типичный – чего уж греха таить – маменькин сынок), сбились в одну команду, готовые противостоять грядущим опасностям. Их ждет множество приключений, но, в конце концов, они, все преодолев, возмужав и вообще изменившись в лучшую сторону, достигнут неопровержимого хэппи-энда...

Размышления прервал грохот:

– Па-адъем!!! – и призывники зашевелились, заспешили к туалетам, у которых моментально образовались длиннющие очереди.

И Женя Сомик горько пожалел, что так бездарно потратил драгоценные минуты тишины и относительной свободы передвижения.

* * *

Когда их выстроили на перроне, Игорь-Двуха пихнул в бок Сомика и зашипел:

– Вон, гляди, пацан стоит... Третий с того бока, видишь? Это тоже земляк наш, я его с распределителя помню. А ты?

Женя послушно повернул голову, посмотрел на парня, на которого указывал Двуха, ничем вроде не примечательного парня, если не считать того, что вместо спортивной сумки, туристического рюкзака или «челночного» клетчатого баула, которыми были отягощены остальные призывники, парень имел при себе только тощий полиэтиленовый пакет, перекрученными ручками намотанный на запястье.

– Кажется, нет, – пожал плечами Женя.

– Видать, в другом вагоне ехал, – предположил Двуха. – Зовут его... Не помню, как зовут. А погоняло ему дали – Гуманоид. Потому что он какой-то... с закидонами. Пацаны рассказывали, он на двух дедов полез с кулаками – еще там, в распределительном... Едва утихомирили. Знаешь, что такое «гуманоид»? Это типа инопланетянина... Этого беса мы в банду не возьмем, да, Командор? – вопросительно проговорил Двуха, повернувшись к стоявшему рядом Александру. – Он хоть и земляк, из Саратова, но чё-то какой-то...

– Посмотрим, – пожал плечами Командор. – А как там с дедами было-то? Накостылял он им? Или они ему?

– Да вроде врезал пару раз. А потом полкан подоспел, и их растащили...

– А кто он такой вообще, этот Гуманоид?

– А хрен его знает. В сторонке всегда держится. Вроде сирота он, я слышал. Из детдома. Детдомовский, значит, чувачок... Все они, детдомовские, с прибабахом...

Перед строем возник давешний старшина. Физиономия его теперь была не багровой, как вчерашним вечером, а нездорово бледной, даже несколько зеленоватой.

– Отставить разговоры! – хрипло, но звучно проорал он и скривился, как будто собственным голосом ему больно резануло по ушам. – Слушаем меня, товарищи призывники! Сейчас дисциплинированно выходим на вокзальную площадь. Там строимся в колонну по два и маршируем к расположению части...

– Охренеть, – высказался кто-то, – что, автобус не судьба была подогнать?..

Старшина зарыскал глазами по строю.

– А-атставить р-разговоры! – прорычал он, не найдя высказавшегося.

– Товарищ старшина? – выступил вперед Командор. – Можно поинтересова...

– Можно – Машку за ляжку! – рявкнул в ответ старшина. – И Мишку за шишку! В армии принято: «Разрешите обратиться!»

– Разрешите обратиться? – поправился Командор. – Далеко ли до части?

– Другое дело... Отвечаю: две целых, три десятых километра. От города.

– А по городу сколько? – спросил кто-то из строя.

– Примерно столько же, – проворчал старшина. – Отставить разговоры! Призывник, встать в строй. Теперь слушаем внимательно! По ходу движения не разговаривать! Колонну покидать запрещается! В случае возникновения каких-либо проблем – немедленно ставить в известность меня или любого другого сопровождающего вас офицера.

– Раскомандовался... – прошелестело в задних рядах строя. – Мы присягу, между прочим, еще не принимали, чтобы нам приказывать...

Слух у товарища старшины, видимо, был тонкий, зато наблюдательностью он не отличался. В очередной раз безуспешно поискав суровым взглядом особо говорливого призывника, он напряг глотку и выкрикнул:

– Кому сказано: отставить разговоры!.. Для особо умных напоминаю: вы *уже* находитесь в ведении Вооруженных Сил Российской Федерации. И если какой-нибудь дурак по ходу следования в часть умудрится попасть под машину или... еще как-нибудь отличится... – старшина продемонстрировал строю кулак размером с дыню, – я его потом в части лично сгною!

– Изя, утонешь, домой не приходи, убью... – немедленно прохихикал невидимый остряк.

– И последнее! В случае обнаружения по ходу движения какой-нибудь надобности – в смысле, пописать или поспать – это вы должны были сделать раньше. Вопросы? Нет вопросов. За мной шагом марш!

* * *

Колонна двигалась по улицам городка расхлябанно: постоянно кто-то отставал, кто-то, наоборот, натыкался на впереди идущих. Многие на ходу курили и почти все разговаривали. Офицеры, видимо, не впервые сопровождавшие в часть еще не отесанных службой призывников, на подобное реагировали вяло. Однако, после примерно часового марша по городу будущие защитники Отечества поутихли. Шагать в строю, не имея возможности остановиться и передохнуть, да еще тащить на плечах сумки и рюкзаки – для многих это было немалым испытанием. Да и сам городок обилием достопримечательностей не отличался, развлечь себя осмотром окрестностей возможным не представлялось.

Впрочем, на одном из окраинных дорожных перекрестков неожиданно стало ясно, что и в таком захолустном городке все-таки может произойти достойное внимания событие.

Сдвоенный визг тормозов, мгновенно превратившийся в пронзительный скрежет, заставил всех идущих в колонне и сопровождающих ее обернуться на проезжую часть. Новенький «порш», шустро нырявший из одного ряда в другой, слипся бок к боку с дряхлой «копейкой», покрытой пятнами бурой ржавчины по всему кузову. Видно, водитель «копейки» слишком поздно вспомнил золотое правило: автолюбителям с *такой* манерой езды дороге лучше уступить.

– Впритирочку! – восторженно воскликнул Двуха, приостанавливаясь.

– Продолжать движение! – крикнул шествующий во главе колонны старшина, потому что Двуха оказался далеко не единственным призывником, испытывавшим жгучее желание притормозить и поглазеть, что будет дальше.

– Не растягиваться! – полетели оклики из середины и из хвоста колонны, которая, несмотря на это, изрядно замедлила ход.

Дверь «порша» с водительской стороны распахнулась. Из иномарки вывалился парень в красной ветровке, такой неожиданно яркой, что на грязной улице он смотрелся таким буйком в мутных водах черноморского пляжа. Парень обежал капот, схватился за голову и даже присел, оценив масштабы разрушения. Следом за «буйком» «порш» покинул солид-

ного вида мужчина в длинной куртке из мягкой кожи и остановился рядом с автомобилем, покачиваясь.

– Всю бочину снес, сука! – визгливо прокричал парень, обращаясь, вероятно, к солидному. – Смотри, что сделал!

Мужчина дошел до капота, посмотрел и, безнадежно махнув рукой, достал из кармана мобильник.

Из «копейки» торопливо, но неуклюже – через переднее пассажирское сиденье – выбрался совсем молоденький пацан, на вид не старше восемнадцати лет, с длинными волосами, стянутыми на затылке в жидкий хвост. Ни сказать, ни сделать пацан не успел ничего. Водитель в красной куртке с криком:

– Смотри, что ты сделал, урод! – скачками подлетел к нему и схватил за грудки.

– Эх, он ему сейчас... – возбужденно сверкая глазами, выдохнул Игорь. – Весь левый бок разворотил, там ремонту... штук пятьдесят таких «копеек» продать – и то не хватит.

– И страховка не покроет, – со знанием дела покачал головой Командор. – Хотя, смотря какая страховка. Хотя, нет, все равно не покроет...

– Подтянулись! – надрывался старшина. – Что вам тут, цирк, что ли? А ну вперед!

Но колонна все равно еле ползла. Уж очень интересные события разворачивались на проезжей части.

Водитель «копейки», пятясь, что-то неслышно говорил и все пытался отцепить от себя руки парня из «порша». Когда ему почти удалось освободиться, парень в красной куртке, который был заметно шире его в плечах и на голову выше, вдруг отпрянул и размахнулся, целя своему визави в лицо. Длинноволосый успел увернуться, уж слишком широко размахнулся его противник, но споткнулся и упал на колени.

«Бук» не упустил удачного момента. Не давая водителю «копейки» подняться, он дважды – на этот раз без риска промахнуться – ударил его ногой в живот.

Солидный мужчина расхаживал перед капотом «порша» и разговаривал по мобильному телефону, то и дело наклоняясь и рассматривая повреждения. На происходящее всего в нескольких шагах он лишь мельком оглянулся.

Колонна призывников гудела, свистела, орала:

– Не хрена лежачего пинать!..

– Мочи волосатых!..

– Хватай его за ногу, чего валяешься?!

– С разбегу! Футболом его, футболом!..

Сомик, рядом с которым весело надрывался Двуха, растерянно посмотрел на старшину во главе колонны. И вдруг увидел, как к старшине шагнул один из призывников, тот самый парень, которого Двуха назвал Гуманоидом. Этот Гуманоид обратился к старшине негромко, но так необычно четко выговаривая слова, что Сомик расслышал без особого труда:

– Разрешите покинуть строй, – сказал Гуманоид.

Старшина глянул на парня мутно.

– Разрешите покинуть строй! – повторил тот, и на этот раз в голосе его прозвенел металл.

– Встань обратно! – рявкнул на Гуманоида старшина. – Тебя еще там не хватало! Пусть менты разбираются...

– Пока подъедет полиция, как бы не случилось чего недоброго...

Старшина отмахнулся от Гуманоида.

– Я полагал, священный долг воина есть защита несправедливо притесняемых, – вдруг выдал совершенно неожиданную тираду Гуманоид. – Поэтому меня удивляет, что вы не имеете намерения вмешаться и не позволяете мне сделать это...

– Дебил, что ли? – непонимающе морщась, не дал договорить ему старшина. – Моя задача вас, полудурков до места довести... Встать в строй, кому говорят!.. Да что с вами такое, мудозвоны? Год от года призыв все хуже... Эй, вы чего там, бараны?.. – старшина повернулся и побежал от Гуманоида вдоль колонны.

Отвлечшись на этот короткий диалог, Женя пропустил переломный момент схватки. Длинноволосый – может, расслышав советы из колонны, а скорее всего, действуя просто по наитию, – схватил в очередной раз врезавшуюся ему в ребра ногу и сильно дернул ее на себя. Парень в красной куртке повалился навзничь. Длинноволосый, не тратя времени на то, чтобы подняться, вполз на поверженного врага и беспорядочно замолотил по нему кулаками. И – вот удивительно – с водителя «порша» моментально слетел весь его боевой азарт.

– Папа! – завопил он. – Папа!

Солидный мужчина вздрогнул и обернулся. Под его правым глазом белел давний шрам довольно необычной формы: три расходящиеся из одной точки следа заживших порезов – будто след от птичьей лапки. Видно, мужчина со шрамом был, что называется, человеком дела, и привык быстро и решительно устранять проблемы. Он распахнул куртку, вытащил из наплечной кобуры массивный черный пистолет с толстым, сильно укороченным дулом и без всякого предупреждения нажал на спусковой крючок.

Раздался резкий хлопок. Солидный мужчина промахнулся, но длинноволосый, почуяв опасность, поднял голову, замешкался, получил отчаянной силы удар коленом в грудь и скатился с соперника. Тот, размазывая по лицу бегущую из разбитого носа кровь, пополз в сторону «порша», видно, рассчитывая там укрыться.

Испуганно закричала какая-то женщина, из числа остановившихся поглазеть на потасовку прохожих.

Солидный мужчина с пистолетом в руке уверенно шагнул к замершему на асфальте водителю «копейки». Шума, поднятого призывниками, и крика женщины он, кажется, не замечал вовсе. Мужчина действовал с поразительной невозмутимостью и обстоятельностью, словно нисколько не сомневался в своем праве сделать то, что собирался. Он остановился, пошире расставил ноги, чуть помедлил, водя дулом, словно выбирая, в какую часть тела выстрелить...

Шум немного стих. Образовавшееся затишье прорезал громкий и повелительный, прозвучавший куда убедительнее выстрела, выкрик из колонны:

– Прекратить!

Сомик (и не только он) рывком повернулся на крик. Колонна медленно продвигалась вперед; с местом происшествия поравнялись уже последние из призывников, а Гуманоид – это он выкрикнул: «Прекратить!» – стоял спиной к призывникам, напротив столкнувшихся автомобилей, лицом к солидному мужчине.

Кто-то из парней рассмеялся. Кто-то проговорил:

– Во дает! Командирский голос прямо! Генералом будет...

– Это ж Гуманоид... – тут же снисходительно добавили к высказыванию.

Но Сомику не было смешно. Лицо Гуманоида в момент крика мгновенно потемнело, словно от страшного напряжения, на виске буквой «Z» вспухла голубая вена.

Солидный мужчина замер с пистолетом в руках, приоткрыв рот и уставившись на Гуманоида. На секунду Жене показалось, что между этими двумя невидимой молнией сверкнула необъяснимая связующая нить.

– Ты русского языка не понимаешь?! – заревел старшина, настигая Гуманоида, хватая его за плечо и толкая в строй. – Баран тупорылый! Доберемся до части, я тебе...

Гуманоид медленно тронулся с места и побежал догонять своих. На бегу он споткнулся, точно у него ослабели ноги, и чуть не упал.

Колонна ускоряла ход. Водитель «копейки» давно уже поднялся и от греха подальше отбежал на тротуар. Солидный все стоял, точно окаменев, и глядел перед собой. Но как только к месту аварии подкатил служебный автомобиль ГИБДД, мужчина неожиданно сорвался и ринулся прочь от него, прямо по проезжей части, лавируя между машинами... от одной из которых все-таки не уберегся. Сбитый на асфальт, прокатился несколько метров кувырком, сразу же вскочил на четвереньки – и, не делая попыток подняться во весь рост, огромной черной собакой поскакал дальше...

«Ничего себе...» – у Жени застучало в висках.

– Ты видел? – спросил он Двухи.

– А то! – ухмыльнулся тот. – Пока мусоров не было, крутого включал. А подъехали они – сразу лыжи смазал.

– Упоротый, – пояснил идущий позади них Командор. – Точно упоротый – потому и поведение резко меняется. Я знаю. Я такое видел. Я, вообще-то, амигос, и не такое еще видел...

– Да нет! – мотнул головой Сомик. – Вы что, не поняли? Этот... Гуманоид на него как глянул, как они взглядами встретились, он... этот мужик сразу... будто в манекена превратился.

– При чем здесь Гуманоид-то? – удивился Командор. – Говорят тебе – упоротый мужик.

– А ты что думал? – насмешливо глянул на Женю Игорь-Двуха. – Загипнотизировал его, что ли, Гуманоид? Он же не Кашпировский. Слышь, Командор, что Сомик говорит? Не, ты в натуре, Женек, какой-то чумовой, я с тебя ржу...

Женя счел за лучшее замолчать.

* * *

Этот случай скоро забыли. Не до праздных воспоминаний было призывникам, из вольной гражданской жизни опрокинутым в выматывающую круговерть армейской службы. Определенные в карантин новобранцы, еще не смешанные со старослужащими, под пристальным приставленных к ним офицеров постигали азы армейской премудрости: от правильной заправки коек до строевых приемов на плацу и комплексов физических упражнений.

Впрочем, первые пару дней новобранцев особо не напрягали. И Сомик по своей старой, въевшейся в душу привычке наблюдал окружающую действительность, словно на экране телевизора, распределяя сослуживцев по типажам сериальных героев. Только вот Гуманоид, на которого Женя после происшествия на пантыковском перекрестке обратил особое внимание, ни под какой типаж не подходил. Этот Гуманоид, с первого взгляда вроде бы совсем обычный парень, Жене казался каким-то... чужим, ненашенским... Эта его манера говорить, излишне отчетливо произнося каждый звук, строя фразу старомодно правильно; эти его малопонятные словечки, проскальзывающие в речи... Эта его совершенно идиотская привычка то и дело влезать с нарочито академическими поучениями, от которых всем становилось не по себе... Поначалу Женя думал, что парень просто дурачится. Первое время, когда Гуманоид изрекал очередную дидактическую сентенцию, Сомик так и ждал, что он оборвет речь на полуслове и сам над собой захохочет. Однако ничего подобного не случилось. Сначала новобранцы смеялись над Гуманоидом. Потом стали недоуменно и даже несколько боязливо перешептываться, крутя пальцем у виска, но постепенно привыкли...

Кроме диковинной речи, в Гуманоиде Женю настораживал взгляд... Взгляд вроде бы высокомерный, но совсем не такой, как у большинства офицеров, с презрением глядящих на новобранцев и видящих в них жалкие неуклюжие сгустки протоплазмы. Взгляд Гуманоида и выражение его лица почти с самого начала показались Жене странно знакомыми –

словно он когда-то имел возможность наблюдать нечто подобное... у кого? Озарение пришло внезапно, на следующий день после того, как их призыв прочитал присягу. Сомик вдруг вспомнил, кого напоминал ему Гуманоид – русских генералов прошлых веков, взиравших на потомков с портретов в школьных учебниках истории. То же внушающее инстинктивный трепет врожденное достоинство, воля, закаленная в горнилах множества сражений... Так то генералы, умудренные вояки. Имели право так смотреть на окружающих. Но у бывшего детдомовца-то откуда такое?

Однажды на выходных, когда новобранцы получали сдаваемые под подпись мобильники, Сомик нечаянно подслушал телефонный разговор Гуманоида. Обычно призывники умильно подрагивающими голосами выпрашивали последние семейные новости (как сам Женья, например), горделиво повествовали о героических армейских буднях, или прохныкивали жалобы на казенное житье, однако характер диалога Гуманоида с неведомым собеседником был совершенно другим. Сомик всего, конечно, не понял, но суть в общих чертах уловил. Вроде бы кто-то там, на далекой гражданке, занимал какие-то очень серьезные, вполне взрослые проблемы и советовался с Гуманоидом, как эти самые проблемы решать. А странный парень, бывший детдомовец, вел беседу уверенным, твердым голосом, и в речи его мелькали выражения: «прокуратура», «противоправные действия», «отстаивать свое право», «явственно продемонстрировать мотивацию»... И еще показалось Жене, что «на другом конце провода» был не один человек. Гуманоид разговаривал сразу с несколькими собеседниками – словно конференцию проводил. И пару раз назвал тех, с кем говорил, соратниками. «Соратники, – подумал тогда Сомик, – надо же...»

И вообще, поведение Гуманоида резко отличалось от поведения остальных новобранцев. Без труда выполняя требования армейской жизни, он в этой жизни вроде бы и не участвовал. Ни с кем близко не контактировал, на праздные разговоры не отвлекался... Он наблюдал. Не так, как сам Сомик, рассеянно и по привычке, а внимательно и деятельно.

Была у Гуманоида какая-то цель, приведшая его сюда, на срочную службу в Вооруженные Силы Российской Федерации – к такому выводу пришел Сомик. Но какая?

По окончании формирования учебного пункта, когда все очереди нового призыва были в часть, новобранцев начали нагружать по полной. Очень быстро понял Сомик, что если создатели сериалов об армейской жизни и были в курсе *истинных* тягот и лишений службы, то предпочитали оставлять эти подробности за кадром. И так же быстро выяснилось, что Женья – один из самых нерасторопных и слабосильных новобранцев призыва. К чести Сомика, он отчаянно старался соответствовать требованиям, правда, не столько из стремления потрафить офицерам, сколько чтобы не отставать от остальных. И так уже Двуха и Командор стали посматривать на Сомика искоса и, когда новобранцы в очередной раз разражались хохотом при виде того, как Женья, например, безвольной сосиской болтается на турнике, безуспешно пытаясь выполнять второе за подход подтягивание, земляки смеялись вместе со всеми. Они все еще держались вместе, Двуха, Командор и Сомик, хотя Женья понимал: еще немного – и он утратит расположение земляков окончательно. И останется один, вообще безо всякой поддержки и защиты. При одной мысли о подобной перспективе, Сомик обливался холодным потом – причем, вовсе не фигурально, а в прямом смысле этого выражения. И потому Женья компенсировал физическую свою несостоятельность постоянной готовностью услужить товарищам: подать, принести, сбегать... Очень скоро Двуха и Командор привыкли к такому поведению земляка и нисколько не стеснялись принимать услуги Сомика, который был рад оставаться в «банде» хотя бы на таких условиях.

К концу второй недели карантина «банда» земляков пополнилась еще одним членом.

Им стал... вот именно, тот самый Гуманоид. И на то, что Командор принял решение завербовать бывшего детдомовца в свою компанию (несмотря на все странности последнего), были вполне определенные причины.

Гуманоид на зависть всему призыву следовал требованиям армейской дисциплины легко и привычно (можно было подумать, что он служит не две недели, а, по меньшей мере, пятый или шестой год), а уж по части физической подготовки ему и вовсе не оказалось равных. Нормы, которые остальные новобранцы едва-едва тянули, он выполнял без всякого труда; казалось, если будет нужно, детдомовец сможет показать результат, превышающий эти нормы в два-три раза. Такое впечатление складывалось отчасти потому, что в первые дни службы Гуманоид не скрывал удивления по поводу низкой физической подготовки абсолютного большинства новобранцев. Сам он как будто и вовсе не уставал. Женя лично видел, как в свободное от занятий время, когда все остальные падали там, где стояли, чтобы отдышаться, свесив бессильно на грудь пунцовые распаренные физиономии, Гуманоид замирал в какой-нибудь диковинной и неудобной позе, причудливо сплетая конечности... и через какой-то период времени медленно и сосредоточенно перетекал в другую позу – еще более диковинную и неудобную, которую спустя пару минут менял на следующую... На это, конечно, обращали внимание. Кто-то с неудовольствием цедил: «Йог недоделанный, выпендрейник...», а кто-то выбирал минутку, чтобы подойти и спросить, чем это он занимается. Гуманоид объяснял охотно, но... непонятно. Про какие-то ступени, столпы величия духа, векторы энергии, открытие сознания межпространству... Разбираться в подобной белиберде ни у кого не было ни сил, ни времени. Ну, увлекается, видно, какой-нибудь восточной мистикой парень, и фиг с ним. Хотя мог бы и поскромнее себя вести, найти для своих упражнений укромный уголок или вообще пока утомился бы. Нормальные люди с ног валяются от нагрузок, а он как назло узлом завязывается. Как-то к Гуманоиду подошел давешний старшина с тем же обычным вопросом: чем это он занят? Гуманоид с ходу понес про свои векторы и межпространство, а старшина послушал, почесал живот и предложил (в шутку, конечно): валяй, потренируй этими векторами боевых товарищей, а то ты вон какой неугомонный, а они как пьяные мыши – еле с лапки на лапку переползают. Те из парней, кто был поближе, не сомневались, что Гуманоид ответит шуткой на шутку – мол, не проблема. Но этот детдомовский ниндзя серьезно так покачал головой и сказал:

– Лишено смысла. Прежде, чем улучшать имеющуюся систему, надобно понять: имеются ли для того ресурсы?..

Старшина хмыкнул и отошел.

Впрочем, Гуманоид, когда к нему обращались, всегда был готов подсказать или помочь, что выгодно отличало его от других новобранцев, которые и со своими-то обязанностями справиться не могли, что уж говорить о взаимовыручке. Несмотря на это, отношение основной массы новобранцев к Гуманоиду нельзя было назвать доброжелательным. Уж очень этот парень был... не таким, как все. Впрочем, предусмотрительного Командора это не смущало. Как понял его Женя, он просто хотел подстраховаться на тот неизбежный случай, когда срочников нового призыва разместят в казарме с дедушками.

Так и случилось, что по завершении второй недели карантина Командор, посоветовавшись с Двухой, самолично подослал безотказного Сомика пригласить Гуманоида на дружеский поздний ужин, откусать закупленных в чипке состоятельным Командором нехитрых местных деликатесов. Гуманоид не отказался.

* * *

Ужин состоялся, понятное дело, после отбоя. Расположились на койке Сомика, которому, как обычно, полагалось после трапезы убрать «со стола». Женя разлил по пластиковым стаканчикам лимонад «Буратино» и, прокашлявшись, посмотрел на Командора, предоставляя возможность ему сказать вступительное слово.

– Ну, что, амигос? – заговорил тот, по обыкновению снисходительно улыбаясь. – Вот и, как в песне поется, «you're in the army now...». Уже две недели как. Осталось еще ровным счетом пятьдесят таких недель. Что хотелось бы отметить – не так уж тут и напряжно, как принято считать на гражданке...

Сомик, боком притулившись на краешке собственной койки, вздохнул. Рука его, державшая стаканчик, заметно дрожала – как будто посудина была не из почти невесомого пластика, а из свинца. Он-то как раз был из таких новобранцев, кому точно не казалось, что в армии «не так уж напряжно».

– Давайте, амигос, выпьем за нас, за земляков, – провозгласил, не обращая внимания на Женю, Командор. – За нашу, так сказать, «банду».

Он обвел взглядом всех троих своих сотрапезников, как бы подчеркивая то, что и Гуманоид может считать себя теперь членом «банды». Беззвучно чокнувшись стаканчиками, парни выпили.

– Налетай, – пригласил Командор вроде всех разом, но глядя только на Гуманоида. – Угощайся, амиго. Чем богаты, тем и рады.

– Благодарствую, – ответил тот, вытряхнув себе на ладонь печенье из открытой пачки.

Двуха и Командор переглянулись. Они не скрывали усмешки, а Женя Сомик смотрел на удивительного парня с интересом. Его так и подмывало поднять тему того происшествия двухнедельной давности на перекрестке, но... статус его в «банде» теперь был таков, что Командор или Двуха вполне могли тут же поднять его на смех, а то и просто прикрикнуть: «закрой рот!» А становиться в очередной раз посмешищем ему не хотелось.

– Я вот только один момент прояснить хочу, братан, – завел по привычке свой треп Двуха, глянув на Гуманоида, спокойно и с аппетитом поглощавшего печенье и шоколадные батончики. – Ты пацан вроде нормальный, но... Я тут к тебе присмотрелся и понял: слишком много ты о себе понимаешь. Прямо... плюешь на всех.

– Да когда он плевал на кого? – покивав Гуманоиду успокаивающе головой (хотя тот и не думал волноваться), обратился Командор к Двухе. – Чего ты выдумываешь?

– Сейчас объясню! Гуманоид, ты это... не в обиду. Просто – так как мы теперь все вместе – надо, чтобы непоняток среди нас не было. Вот, глядите! Помните, как мы первый раз строем ходили? Впереди Петух споткнулся, и все за ним повалились, как кегли... Смешно же! Все угорали, даже лейтенант – и тот сначала поржал, потом уже орать начал. А ты, Гуманоид – нет, не смеялся. Или вон тот же Сомик подтягивался и с натуги ка-ак дал залп из своей крупнокалиберной, чуть штаны не лопнули. Мы все от смеха чуть не померли. Сомик и сам похихикал. А ты, Гуманоид, не смеялся. Или еще... да мало ли!

– Ну и что? – решил подать голос (раз уж о нем заговорили) Женя. – Может быть, у человека чувство юмора уточненное?

– Или чувства юмора вовсе нет, – сказал Командор.

– Чувство юмора у всех есть, – авторитетно заявил Двуха. – Просто кому-то не запаadlo товарищей поддержать, а кто-то... больно до хрена о себе понимает. Даже если тебе не смешно, когда вокруг все ржут, ты тоже хочешь не хочешь, а заржешь. Вон Серега Шапкин, очкарик, которого из универа с третьего курса поперли, тоже вначале корчил из себя такого... умника: и слова «ложить» у него не существует, и между «одеть-надеть» какую-то разницу углядел... и на матерные анекдоты фыркал, интеллигент, сука, вшивый. Так и он быстро допер, сразу после второго пенделя: если хочешь нормально в коллективе жить, будь как все. Потому что быть как все – это значит не выделяться. А не выделяться – это значит уважать других. А когда других уважаешь, то и тебя уважать будут. Что, скажете, туфта?

– Правда в том, что у тебя словесный понос открылся, – проворчал Командор. – Сладкого переел.

Двуха оставил это замечание без комментариев.

– Люди неуважение всегда чувствуют, – проговорил он. – Даже если умом не понимают. Сомику-то не смешно было, когда над ним ржали. А он со всеми вместе поржал, и получилось, что... как бы не над ним смеются, а просто... над случаем смешным... с каждым может случиться. А наш Гуманоид, видно, считает, что никогда в смешное положение не попадет, такой он великий. Заметили, как он смотрит на всех? Даже на офицеров? Свысока. Как на дерьмо прямо... Интересно, почему это он так, а? Вот скажи мне, Гуманоид, по-братски, без обидок – почему?

– Изволь, – согласился Гуманоид. – Тебя интересовало, почему я не имею обыкновения вместе с остальными вслух потешаться над чужими оплошностями? Ответ весьма прост, – продолжил бывший детдомовец. – Поведение, кое ты определяешь уважением к окружающим, является на деле нежеланием нести ответственность за поступки собственные и своих товарищей. Выходит, подвергая кого-то унизительному осмеянию, ты тем самым снимаешь с себя обязанность помочь своему товарищу преодолеть трудности.

– О-о!.. – искусственно застонал Двуха. – Ну и нудный же ты, Гуманоид!

– Позволь, я договорю. Это недлинно. Я вскоре закончу. Отчего-то принято считать смех мощным оружием против того, чего ты не в состоянии изменить какими-либо другими способами. Однако утверждение это ложно. Смех есть признание собственного бессилия. Не умея или боясь как-то повлиять на ситуацию, человек прибегает к последнему, что ему осталось, чтобы оправдать себя – насмехается на этой ситуацией. В этом смысле смех подобен плачу. Тому, кто не решается преодолеть возникшее перед ним препятствие, остается одно из двух: плакать или смеяться. Понимаешь ли ты меня?

Двуха с минуту пожевал губами, потом махнул рукой:

– Проехали!

И в этот момент раздался глухой стук. Это упал на пол Женя, умудрившийся заснуть стоя.

– Ну, вот, – зевнул Командор, – посмотрите, что наделали – Сомика усыпили своими разговорами. Ладно, амигос, расходимся. А то я сейчас тоже вырублюсь, устал... Ну что, Гуманоид? Значит, договорились? Теперь мы банда – один за всех и все за одного?

– Договорились, – сказал Гуманоид.

– Короче, – решил уточнить Двуха. – Если к нам кто-нибудь прикопается, ты впрягнешься. А если к тебе – мы подпишемся. Так?

– Вестимо, – ответил Гуманоид. – Вступить за попавшего в беду – дело чести воина.

– Да не за «попавшего» какого-то! – опять рассердился Игорь. – А за меня! Или Командора, или Сомика. За всех впрягаться, впря... это... впрягалка отвалится. Вбей себе в башку: нельзя в армейке выделяться, лезть в каждую дырку! Слышь, Командор, я так понимаю, зря мы...

– Цыть, – отрезал рядовой Каверин. – Все. Хватит базарить. Спать пора.

Сомик, едва шевеля руками, убрал последствия ночных посиделок, а потом упал на койку и уснул мертвым сном. Он не слышал, как тихонько переговаривались лежащие на соседних койках новобранцы Игорь Анохин и Александр Каверин, он же Командор:

– Вот послал Бог землячка, – говорил Двуха. – Не, Сашок, как хочешь, а он мне не нравится. Мало того, что нудный, так еще и много о себе понимает. Зуб даю, на рожон полезет и встрянет. А мы еще и крайние окажемся. Лучше бы с Дроном закорифанились или с Петухом. Они тоже парни здоровые, а держат себя ровно.

– Ты не сечешь, амиго, – зевнув, ответил Командор. – Твои Дрон и Петух – валенки деревенские, типа Сомика. Их психологически нагнуть – раз плюнуть. А Гуманоид любого до смерти забазарит. С такими, как он, обычно вообще не связываются.

– Вот и нам не надо.

– Ну ладно. Решение принято, обжалованию не подлежит. Спи, давай.

Через пару минут оба заснули – сначала Двуха, потом Командор. Впрочем, последнему, перед тем, как он окончательно провалился в сон, пришла в голову неожиданная мысль... Вдруг подумалось рядовому Каверину, что вовсе не «банда» приняла Гуманоида, а наоборот. Этот неразговорчивый странноватый парень позволил землякам присоединиться к себе. Но обдумать это предположение прямо сейчас Командор поленился. А наутро и вовсе о нем забыл.

* * *

А бывший детдомовец по прозвищу Гуманоид еще долго лежал вытянувшись на койке, заложив руки за голову и невидяще глядя в потолочную полутьму.

...Он предпочитал, чтобы его называли именно Гуманоидом, а не Василием Ивановым, как теперь было обозначено во всех его документах. Если обстоятельства сложились так, что пока невозможно носить настоящее свое имя, данное отцом, и фамилию, прославленную предками, пусть он будет просто Гуманоид. По крайней мере, откликаясь на прозвище, он не испытывал вины перед своим родом, история которого уходила в глубину веков – вины человека, отказавшегося от своего имени. Пусть вынужденно и на время отказавшегося, но все же...

Его звали Олег Гай Трегрей до того, как он по странной прихоти судьбы оказался в *этом* мире. В мире, чужом, хмуром, откровенно враждебном ему и тем, кто хоть сколько-нибудь отличается от всех прочих; в мире, где в любой момент нужно быть начеку. В мире, не похожем на родной мир Олега до такой степени, что попытки осмыслить здешние порядки поначалу едва не поколебали само представление о гармонии мироздания. До того, как попасть сюда, Олег и подумать не мог, что существует место и время, где может быть *настолько* все неправильно...

Впрочем, обитатели *этого* мира тоже вряд ли сумели бы полностью принять мысль о реальности существования мира, из которого явился Трегрей. С их стороны понимания жизни, мир Трегрея мог видаться (и виделся!) сусальной сказочкой, полнейшей утопией, ни в коем случае не имеющей права на практическое воплощение.

Сколько Олег Гай Трегрей уже в *этом* мире? Почти полгода. Но *этот* мир все продолжает удивлять его. Все здесь перевернуто с ног на голову, перепутано, перекручено – не хаотично, а как будто специально перевернуто: чьей-то злой и вполне ощущаемой волей. И здешние обитатели – как они не похожи на людей из родного Олегу мира, спокойного и надежного, словно большой, давно обжитой дом, где все соседи друг с другом знакомы. Где каждый человек с рождения и до смерти ни на минуту не получит возможности усомниться в том, что он дорог и нужен Отечеству, Государю и окружающим. Где все прочно, понятно, закономерно и гармонично настолько, что ни у кого и мысли не может возникнуть, что бывает по-другому. Вот и Олег понял это, только оказавшись *здесь*.

В *этом* мире люди предоставлены сами себе; и, как в жестокой древности, по-настоящему могут рассчитывать лишь на кровных родственников. А со всеми прочими, тем паче с теми, кто принадлежит государственным структурам, необходимо подсуеиться и связать себя узами финансовых либо каких-то других обязательств, чтобы получить некое обоснование собственного места в окружающей реальности. Обоснование своих прав на сколько-нибудь достойное существование. Как тут говорят: «Хочешь жить – умей вертеться». Варианты «служить» и «трудиться» как средства к обеспечению определенного уровня достатка и уважения в обществе *здесь* не рассматривались вовсе. Нужно уметь «вертеться».

И такое положение дел считалось вполне нормальным. Условия этой суетливой грызни, называемой здесь «жизнью», как и полагалось, определяли сознание населяющих *этот* мир. Хотя понятия чести, достоинства, долга, уважения к тем, кто тебя окружает,

местным обитателям были прекрасно известны, понятия эти являлись для них чем-то отвле-
ченным, к повседневности не имеющим ровно никакого отношения. Общество знало, что
красть, отнимать, предавать, подличать, унижать, пользоваться слабостью и подлаживаться
под силу нельзя, нехорошо, а в некоторых случаях подсудно, но с охотой проделывало и
первое, и второе, и третье... и прочее. И чаще всего не под давлением обстоятельств, а
при любом удобном случае, боясь упустить скользнувшую в мутной воде действительности
рыбешку выгоды.

И вряд ли *здесь* кто-нибудь мог поверить, что где-то *на самом деле* школы, гимназии и
лицей выпускают юношей и девушек, получивших наряду с обязательным объемом знаний
и практических навыков еще и вполне определенный набор *верных* мотиваций и ценностей,
необходимый для дальнейшей жизни во благо *всех* подданных своего государства. Что где-
то правоохранительная система *в прямом смысле* стоит на страже законности, и мысль о
возможности воспользоваться служебным положением в личных корыстных целях воспри-
нимается ее сотрудниками не столько как преступная, сколько как абсурдная, совершенно
неосуществимая. Вряд ли кто *здесь* мог поверить, что у руля Отечества *действительно*
могут стоять те, кто движим именно интересами государства; те, кто полностью отвечает
стоящим перед ними задачам и потому способны с должной эффективностью управлять и
править. Истинная элита, убежденная в необходимости работать не на себя, а на общество,
полностью осознающая громадную ответственность перед теми, кому служит верой и прав-
дой.

Оказавшись в *этом* мире, Олег не сразу, но очень скоро пришел к убеждению, что все
это произошло не случайно. Не зря. У всего всегда есть причина. И причина, по которой он
здесь, проста и ясна. Изменить этот мир. Сделать его таким, *каким ему должно быть*.

И главное, что для этого следует сделать – приобрести как можно больше соратников.
Тех, кто, понимая неправильность мира, в котором живут, не станут мириться с ней, как все
остальные, а сочтут долгом своей жизни сражаться. И учить сражаться других.

За своих соратников, оставленных на гражданке, в Саратове, Олег был спокоен. Они
уже умеют противостоять враждебной силе несправедливости. Они уже знают, что значит
сражаться. И они уже знают, что значит побеждать.

Глава 2

Этот ресторан считался лучшим в городке Пантыков и назывался: «Каприз Императора». Вышеозначенный император был изображен на громадной, точно киноафиша, ресторанной вывеске в виде здорового мужика, облаченного в жуткие доспехи, украшенные шипами и цепями. Физиономию император имел настолько зверскую, что даже страшно было подумать: какие же капризы могут быть у этого типа...

Впрочем, внутреннее убранство «Каприза...» было вполне обыкновенным: круглые столики, расставленные в шахматном порядке, длинная барная стойка в одном углу, невысокая эстрада в другом и неменные для подобных заведений тяжелые пурпурные портьеры с золотыми кистями.

Время только перевалило за полдень, и посетителей в «Капризе Императора» почти не было. Лишь двое мужчин в добротных темных костюмах и при галстуках обедали за столиком напротив пустой эстрады. Один из них, командир воинской части № 62229 полковник Семен Семенович Самородов, прозванный в части Сам Самычем, был разменявшим уже полтинник малорослым крепышом с тусклым серым лицом, самой примечательной частью которого являлись густые седоватые усы. Ел Семен Семенович аккуратно и степенно, время от времени сосредоточенно покашливая в усы. Сосед же его по столу, мужчина хмурый и по-медвежьи крупный, жевал шумно, дышал шумно, громко клацал вилок и ножом, толкал локтями тарелки, встряхивал большой кудлатой головой... При взгляде на него создавалось странное впечатление, что ему тесно в окружающем пространстве, пространство жмет ему, как неудачно подобранный пиджак. Под правым глазом мужчины имелся давний шрам, похожий на отпечаток птичьей лапки.

Мужчины закончили обед. Сотрапезник Семена Семеновича, прожевав последний кусок, бросил нож и вилку на тарелку и громко, без стеснения, рыгнул. Самородов жестом подозвал пасущегося в сторонке официанта. Крупный мужчина сунулся было за бумажником, но Самородов остановил его:

– Я заплачу, не проблема.

– Лады, – кивнул тот. И добавил, словно ставя точку в недавнем разговоре: – Значит, предварительно договорились, да?

– Договорились, – подтвердил полковник.

Собеседник его неуклюже задвигался, собираясь подняться.

– Поеду я тогда, – сказал он. – Дел еще по горло...

– Михаил Сигизмундович, – старательно выговорил имя-отчество крупного мужчины Самородов. – Извините, что завожу разговор, но все же... общее дело у нас... Я слышал, у вас проблемы? Вроде наехал кто-то по беспределу?

– Да какой «наехал», – с досадой буркнул Михаил Сигизмундович. – Так... бытовуха.

– А мне говорили... – начал было полковник Самородов, но замолчал, когда сотрапезник тяжело глянул на него.

– Случай такой... – с явной неохотой принялся объяснять Михаил Сигизмундович, – странный. Понимаешь, впелся в меня на перекрестке какой-то додик. Мой Ефим – я с сыном был, с Ефимом, – стал разбираться, а этот додик ему нос сломал. Ну, впрягся я, конечно. И тут...

Мужчина, поморщившись, замолчал, потрогал пальцем шрам под глазом. Самородов терпеливо ждал продолжения.

– Короче, не понял я, что случилось, – заговорил снова Михаил Сигизмундович, все так же морщась, – помрачение на меня нашло. То есть, не само по себе нашло – со мной такого не бывает... А этот додик напустил. Хрен его знает, как. Я как с катушек съехал. Только

ствол достал, пальнул раз, промазал – и все, больше ничего не помню. Ефим рассказывает: вдруг я сам не свой стал, замер столбом, а как менты с сиреной показались, рванул от них, будто медведь от волков. Часа через два очухался в каком-то дворе, грязный, драный... Еще куртку сняли сволочи какие-то, пока в беспамятстве валялся.

– Так найти того додика и спросить с него по полной, – уверенно предложил Самородов. – Проблема, что ли, найти? Тем более, для вас...

– В том-то и дело, что проблема. Ефим-то от ментов в тачку – и за мной рванул. Инспектора номера мои знают, преследовать не стали. А додик исчез. К ментам я, конечно, обращался, а они мнутя, руками разводят. Видно денег он им отсыпал, сколько у него было, они и рады стараться – отпустили.

– Даже номера его не срисовали? Не может того быть...

– Номера срисовали, конечно, да толку от этого чуть. Владелец колымаги – студентик из области, в городе в технаре учится. Навестили студентика, а он в бега подался, вовремя ему обозначили, кто я и что я, вот он и забздел. Тут закавыка в другом. Фотку студентика смотрели. Ефим кричит: «Он это нам тачку покоцал и нос мне сломал!» А я не узнаю. Я совершенно другое лицо запомнил. Причем накрепко так запомнил, и сейчас это лицо передо мной стоит, из тысячи бы узнал. Ну, рано или поздно студентик объявится, тогда все и выясню. Ефим очень за нос свой обиделся, сам студентика ищет.

– Кто ищет, тот всегда найдет, – вежливо улыбнулся Самородов. – Не переживайте, Михаил Сигизмундович, переутомились, вот и... смешалось немного у вас в голове.

– Ведь не бухой же я был! – хрустнул пальцами мужчина. – Не, не во мне тут дело, а в нем. Он виноват, гад. Из-за него, паскуды, слушок пошел, что у меня с башней нелады. Безумный по городу бегаю... Для репутации, сам понимаешь, вредно. Да, кстати! Хотел тебя сразу попросить, но из головы выскочило. Когда вся эта заварушка случилась, мимо колонну призывников веди. Ты того... распорядись, чтобы поспрашивали у них: может, кто что и видел.

– Конечно, о чем разговор! – легко согласился Семен Семенович. – Главное, что теперь у вас все хорошо.

– Только эту мразь найти осталось. Ну, ладно. Поехал я. Дела.

Они распрощались, обменявшись рукопожатием. Оставшись один, Самородов углубился в изучение счета. Официант, видимо, знавший его привычки, покорно стоял рядом, покачиваясь на каблуках, блуждая взглядом по потолку. Семен Семенович проверял счет обстоятельно: хмурился, покашливал, тыкал коротким толстым пальцем сенсорную панель айфона, складывая и складывая числа. Убедившись, наконец, что не обманут, расплатился. Когда официант ушел, полковник достал из внутреннего кармана пиджака маленькую, но пухлую записную книжку, закладкой которой служил короткий карандаш. Открыл ее на вручную разграфленную страничку, где один из столбцов венчала фамилия его недавнего собеседника. Под эту фамилию Семен Семенович вписал сумму, на которую тот откушал, присовокупив к этой сумме и чаевые.

Через пару минут автомобиль Самородова (сияюще-белый внедорожник «мерседес» прошлого года выпуска), направляясь от центра к окраине, катил по главной пантыковской улице. Унылое мутновато-стеклянное небо, на котором совсем не было видно солнца, сыпало меленьким дождем. Город тонул в буром месиве из грязи и мокрого снега, подсыхая грязь густо покрывала фонарные столбы и стволы придорожных деревьев. Чистенький автомобиль смотрелся на этой хмурой улице дорогой игрушкой, случайно угодившей в сундук со старым хламом.

После обильного обеда Самородову сильно хотелось пить. По пути засветилась яркая вывеска супермаркета с рекламой популярной американской газировки. Сами собой в сознании Самородова, как на дисплее калькулятора, возникли цифры, складывающиеся в стои-

мость бутылки сладкого напитка. Самородов мужественно сглотнул сухой комочек слюны и проехал мимо, испытал при этом чувство, будто кто-то ласково пощекотал ему сердце – он только что сэкономил несколько десятков рублей. А экономить – все равно, что заработать.

Самородов вовсе не был скуп в обыденном понимании этого слова. Просто он так привык: любой траты, даже самой малой, можно и нужно избежать, если она не является необходимой для достижения прибыли. Дорогой автомобиль, например, костюмы, пошитые в частном ателье, трехэтажный загородный дом – все это нужно для поддержания имиджа удачливого предпринимателя. А вот, допустим, потратиться на бутылку газировки, когда можно потерпеть двадцать минут и утолить жажду бесплатно – это уже излишество.

Несытое детство Семена Семеновича размоталось по доброму десятку военных гарнизонов, где служил его отец. Родитель Самородова, вечный майор, страдал распространенным на российских серых просторах недугом – пил. На всю жизнь запомнил Самородов ежевечерние пронзительные речитативы матери: «Да что ж ты, подлец, за бутылкой гоняешься! Дома шаром покати, даже телевизора нет... Ты ж, чурка с глазами, не понимаешь, что ли, это ведь все твои бутылки одна к одной складываются...» И навсегда врезалось в память Самородова собственное его недоумение – почему такую прекрасную вещь, как телевизор, его отец променял на то, чтобы шляться невесть где допоздна, а потом, стоя в прихожей, бессмысленно улыбаться и моргать красными глазами перед орущей матерью? Так еще в раннем возрасте познал Самородов истину: хочешь что-то иметь – откажись от бессмысленных удовольствий, трать только на то, что тебе действительно нужно.

Выехав за пределы тесного и грязного Пантыкова (только два года назад сменившего статус ПГТ, то бишь поселка городского типа, на статус города), Семен Семенович свернул с разбитой трассы на дорогу с довольно приличным, явно недавно положенным покрытием. Очень скоро белый внедорожник въехал на территорию коттеджного поселка.

Поселок был новым, еще строился и состоял из одной длинной улицы, по обе стороны которой высились двух-, трех- и пятиэтажные коттеджи разной степени завершенности. Впрочем, кажется, не было ни одного населенного. Назывался поселок красиво – Жемчужный.

Самородов притормозил у крайнего двухэтажного коттеджа, в освещенных окнах которого виднелись сгорбленные фигуры рабочих, припарковал свой внедорожник рядом с забрызганной грязью черной «четырнадцатой», посигналил. Из коттеджа вышел, на ходу вытирая руки тряпкой, высокий сутулый мужчина лет сорока, в запачканном штукатуркой армейском полевом камуфляже старого образца. Коротко остриженная голова этого мужчины была абсолютно седа, зато в бровях не было заметно ни одной белой ниточки. Густые черные брови нависали над его глубоко посаженными глазами, отчего казалось, что мужчина постоянно хмур и сердит. Самородов навстречу ему выбрался из автомобиля, несколько торопливо, но все же с достоинством:

– Здоров, Алексей Максимыч!

Поздоровались за руку.

– Попить нет ничего? – осведомился Семен Семенович. – В горле пересохло...

– Найдется, – кивнул мужчина. Он открыл «четырнадцатую», достал с заднего сиденья заполненную на треть пластиковую литровую бутылку дешевой минералки. Самородов в несколько жадных глотков опорожнил бутылку.

– Идет дело-то! – сказал он, указывая на дом, в котором копошились рабочие. – Гляди, до холодов въедешь.

– Хотелось бы, – ответил Алексей Максимович. Говорил он негромко, глуховато и чуть монотонно, но четко и отдельно.

– Н-ну... – вкрадчиво произнес Самородов и даже вроде как подмигнул, словно собирався сообщить какой-то секрет. – Пойдем-ка, в машину ко мне...

Они сели в автомобиль Семена Семеновича. Предусмотрительно подняв не по стандарту тонированные стекла, Самородов достал из кармана нетолстый бумажный пакет, в котором по очертанию угадывалась пачка денежных купюр.

– Держи, Алексей Максимыч, – сказал он, передавая пакет. – Как обещано... Как раз хватит, чтобы строительство закончить.

Тот принял пакет, замешкавшись на крохотную долю секунды. Самородов заметил это легкое замешательство.

– Ты поднажми на них, на джамшутов своих, – быстрее заговорил он. – Пусть резвее шевелятся. Ну, пообещай им премию небольшую, чтобы не расслаблялись. Или пинков навешай. Зато зиму зимовать уже в своем доме будешь.

Алексей Максимович молча спрятал пакет за пазуху.

– Расписочку! – сказал Семен Семенович, доставая из бардачка папку, а из папки – бумажный лист, чистый, если не считать пары строчек внизу, подкрепленных печатью и подписью. – Не обижайся, это не от недоверия, а... сам понимаешь. Черкни, как обычно. Все чин чинарем, нотариус уже заверил... авансом, так сказать, – он человек свой. Держи ручку.

– Великое дело – свой дом, – продолжал Самородов, глядя, как Алексей Максимович, положив лист на папку, а папку утвердив на колене, выводит аккуратные буквы. – Ты, небось, в таком не жывал, всю жизнь по квартиркам, а я тебе со всей уверенностью могу сказать: настоящим хозяином можно себя только в собственном доме чувствовать. Что в квартире? За стенкой алконавт дядя Петя сапогом жену гоняет, снизу дрель с утра до вечера свистит, сверху... у какой-нибудь старой манды батарею прорвало. По свету под окнами бабульки кудахчут, как стемнеет, малолетние упыри ржут. За парковочное место опять же каждый вечер лаяться... Раз в месяц управляющая компания сшибает бабло, якобы, за содержание дома и ремонт – а в подъезде стекла выбитые, из подвала канализацией несет, во дворе грязь непролазная и ямы... Да что я тебе рассказываю, сам лучше меня все это знаешь – в такой уж стране живем. То ли дело – свой дом... Нет, брат Алексей Максимыч, себя надо уважать. Если есть возможность, уж постарайся себя и свою семью устроить в достоинстве и спокойствии. А если нет возможности – ее, возможность эту, надо обязательно изыскивать, правильно? Ты, как умный человек, понимаешь, если б мы о себе самих не заботились, кто бы еще о нас позаботился? А?

Монолог этот Семен Семенович Самородов произносил с интонацией поучительной, вроде как старший делится опытом с младшим. Но в речи его неуловимо проскальзывали нотки несколько... заискивающие. Словно Самородов боялся, что собеседник вдруг возьмет и возразит ему.

Но Алексей Максимович не возражал. Молча слушал, спрятав глаза под черные косматые брови. Только раз ответил на очередное риторическое «правильно?» мычащим «м-да», совмещенным с неглубоким кивком.

– Вот и хорошо, – услышав это «м-да», быстро свернул тему Семен Семенович. – Удачи тебе. Джамшутов погоняй, не стесняйся. Это народ тако-ой, им лишь бы резину подольше потянуть на твоих харчах... А если вдруг финансы опять закончатся, сразу дай мне знать. Помогу без вопросов. Да, забыл спросить, что с машиной-то твоей? Разобрался?

– Да нет пока... – отозвался Алексей Максимович несколько удивленно; видимо, этого вопроса он не ожидал. – Она как-то... вроде все в порядке с ней, только иногда вдруг ни с того ни с сего закапризничает. Не заводится и все тут, черт знает, почему. А на станцию отогнать времени нет. Да и отгонишь – неделю возиться будут, знаю я этих умельцев... А как без колес неделю?

– А ты вот что, – с готовностью предложил Самородов, – ты на нашу баню офицерскую ее отгони. Не гоняй ее еще туда?

– Нет... Как-то... не пришлось.

– Давай-давай! Что значит – не пришлось?! Я звякну, тебе ее моментально до ума доведут. Естественно, бесплатно. Я разберусь, как рассчитаться...

– Надо бы... Время вот только выберу.

– Ну давай, Алексей Максимыч. Прощаться не будем, сегодня еще увидимся...

Алексей Максимович собрался было покинуть автомобиль, но Самородов остановил его:

– Ты это... Ты не сомневайся, – проговорил он, доверительно понизив голос. – Твое дело только пару подписей черкануть. И все. Зато гешефт какой!.. – Самородов прищелкнул пальцами и подмигнул. – Сразу мне все долги вернешь и еще останется.

– Я и не сомневаюсь, – глухо ответил Алексей Максимович и открыл дверцу автомобиля.

Когда Алексей Максимович вернулся в коттедж, Самородов снова достал свою книжечку. Пошелестел страничками, разыскивая нужную. Нашел ее и в столбце под фамилией «майор Глазов», куда уже были вписаны несколько незначительных сумм, поставил еще одну – шестизначную. После чего удовлетворенно пошевелил усами и коротким тычком пальца включил зажигание.

* * *

Этих четверых рядовой Саня Гусев, дослуживающий уже седьмой месяц и больше привыкший откликаться на Гуся, остановил в казарменном коридоре.

– Слушай сюда, бойцы! – вполне доброжелательно улыбаясь, начал он. – Вводная: на дальняке кто-то из ваших, из духов, обед по полу расплескал. Бородуле... то есть, комвзвода старшему лейтенанту Бородину (знаете, да?) такое дизайнерское решение вряд ли понравится. Сейчас дружно рожаєте швабры и тряпки – и мухой на дальняк. Когда от блевотины даже запаха не останется, ищите меня и докладываете. Времени у вас... – Гусь глянул на дешевенькие часы на запястье, – четырнадцать минут до развода. На развод не опаздывать. Вопросы есть?

Вопросы последовали незамедлительно. Саня, в общем-то, не исключал возможности, что так оно и будет – для превращения гражданских раздолбаев в отличников боевой и политической подготовки месяца карантина маловато, а эти четверо как раз только-только из карантина.

– Чё, шестых нашел? Черт какой-то нагадил, а нам какого хрена за ним убирать? – набычился один из четверки: лопоухий, худой паренек, по манере держаться и интонациям которого можно было с уверенностью определить его как «четкого пацана с окраины».

– погоди, Двуха, не пыли пока, – включился второй «дух», рослый (головы на две выше самого Гуся) молодой человек лет двадцати – двадцати трех с идеально белозубой улыбкой. – Слышь, амиго, – обратился он к Гусю, – у нас по распорядку, между прочим, время послеобеденного отдыха. А соблюдать распорядок дня – одна из первейших обязанностей воина российской армии.

Саня Гусев, перестав улыбаться, покосился на стоящего между белозубым и «четким пацаном» рыхлого неуклюжего парня – что, мол, тот скажет. Но тот ничего не сказал. На его бледном и каком-то мятном, как пельмень, лице явственно читались неуверенность и испуг. И тогда Гусь перевел взгляд на четвертого «духа», который, как он знал, успел уже приобрести кличку: «Гуманоид».

Надо сказать, что мнение именно этого новобранца относительно возможности провести ближайшие четырнадцать минут ликвидируя последствия чьего-то паскудства, Саню интересовало особо.

– Ну, а ты? – спросил он у этого четвертого, постаравшись ничем не выдать своего интереса. – Как насчет поработать?

– Разреши осведомиться, – очень серьезно и как-то чересчур отчетливо выговорил этот самый Гуманоид, – привлечение нас к уборке туалета – это приказ командира взвода?

«Ух ты! – мысленно ахнул Гусь. – “Разреши осведомиться...” Правду про него говорят – с придурью типок. Одно слово – Гуманоид...»

Несколько секунд Саня разглядывал Гуманоида. Да парень, в общем-то, как парень. Среднего роста, не тощий и не жирный, не то чтобы качок – но видно, что сложен ладно и силенками не обделен. Лицо правильное, чистое. Но вот взгляд... Смотрел этот тип на Саню Гуся как-то... черт его знает, как. Будто Гусь вовсе не достойный уважения старослужащий, а какой-то унылый беспомощный салага. А главное, во взгляде Гуманоида не было пустой и глупой юношеской бравады или наглого вызова, или... еще чего-то подобного – этот парень словно был накрепко уверен в своем превосходстве над ним, Саней, а также и над всеми остальными людьми... По крайней мере, в ту секунду именно так показалось Гусю.

– Нет, бойцы, – чувствуя раздражение, но раздражению этому не поддаваясь, проговорил рядовой Гусев, – это не приказ. Это просьба. Моя, лично. Мне, что ли, за вами, духами, дальняк драить?

– В таком случае, – все с той же серьезностью посоветовал Гуманоид, – тебе надобно поставить в известность командира подразделения, а уж он, несомненно, отыщет решение проблемы. Поскольку он и только он вправе отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение.

Гусь снова уставился на парня. Усмешки в глазах Гуманоида не было и в помине. Издевается, гад? Или правда с придурью? Да нет, с придурью-то его служить бы не взяли. Косить вздумал? Но с какой стати ему перед ним, Гусем, дурака выламывать?..

– Единоначалие, – наставительно продолжал тем временем Гуманоид, – является одним из основных принципов строительства Вооруженных Сил, руководства ими и взаимоотношений между военнослужащими.

– Сильно умным себя считаешь? – только и придумал, что сказать Гусь. – Может, ты мне сейчас еще весь Устав назубок прочтешь?

– Изволь, если желаешь, – пожал плечами Гуманоид, – но не сиюминут. Если тебе будет угодно, перед отбоем.

Гусь несколько раз моргнул. Но тут же его осенило:

– Это ты мне сейчас стрелку забил, что ли?

– Базара про стрелку не было, – быстро проговорил лопухий «пацан с окраины». – А за Устав назубок – это он может. С любого места, как по писаному шпарит, проверяли. И ведь пролистал книжку только один раз...

Саня Гусев молчал. Ему вдруг пришло в голову, что над ним банально издеваются.

– Я владею методом масштабного чтения, – пояснил Гуманоид. – Это весьма несложно...

– Да чего вы мне парите-то?! – рявкнул выведенный из терпения Саня Гусь.

– Чистая правда. Вот такой он, наш Гуманоид, – хмыкнул белозубый. И, потянувшись за спиной «пацана», хлопнул длинной рукой Гуманоида по плечу. – Ребенок индиго.

«Пасть беленая... Мажор, наверно, сука», – подумал Саня по адресу белозубого, потому что здравых мыслей о «ребенке индиго» в его голове на тот момент не оказалось.

– Понимаешь, амиго, – проникновенно продолжал белозубый, – вот если бы ты мне другом был или приятелем каким, тогда понятно, тогда твоя просьба считалась бы законной. А я тебя в первый... ну, скажем, во второй раз в жизни вижу. Поэтому – извини. И еще тебе кое-что скажу, – голос белозубого утратил проникновенность и зазвучал жестче, – может, вы тут терпил каких-нибудь и привыкли гнуть, но с нами такое не пройдет. Seriously говорю,

без обид. Если кто здесь на меня или братанов моих кисло дохнет... Я командирам или в прокуратуру стучать не буду. Я один звоночек сделаю... на гражданку. А уже оттуда прямо в командование округа звонок пойдет. И всю эту часть мигом раком поставят, всю целиком. И пойдете вы, господа старослужащие, всем лихим составом на дизель... – он сделал паузу, чтобы заглянуть в глаза Гусю. И договорил, уже мягко и с прежней улыбкой:

– Рекомендую принять к сведению, амиго. И, так сказать, проникнуться.

«Точно – мажор», – убедился в своем первоначальном предположении ошарашенный наглостью белозубого Саня Гусев. Гуманоид уже полностью вылетел из его головы. Теперь Гусь видел перед собой только этого нахально ухмыляющегося детину, до сих пор, очевидно, полагающего, что армейская и гражданская жизнь не очень различаются.

«Ну и упырей прислали... Вот борзота! Первый день как из карантина, а смотри-ка, – подумал, чуть оправившись от приступа изумления Гусь, – один впрямую связями угрожает, другой скалится, как псина голодная, третий... вообще Гуманоид...»

Рыхлого парня, в разговоре никак себя не проявившего, он в расчет не взял.

– У тебя все? – спросил «мажор».

Гусь неимоверным усилием воли заставил себя встряхнуться и начать соображать. Ему уже было ясно, что *сейчас* ловить тут нечего. Оставалось только удалиться, не потеряв достоинства. Но... до этого сделать еще кое-что. Так сказать, оставить финал разговора открытым...

– Тебя как звать, боец? – спросил «мажора» Саня.

– Александр Вениаминович Каверин, – внушительно выговорил «мажор», особенно упирая на отчество и фамилию, точно произнесение всего этого вслух должно было произвести какой-то определенный эффект.

– Тезки, значит, с тобой... Так вот, Александр Вениаминович, непросто тебе и твоим друзьям служить будет, – Гусь покачал головой и поцокал. – Ой, непросто...

– А ты не пугай, слышь! – гавкнул «пацан».

– А я и не пугаю. Говорю, как есть. В карантине – это одно было, а здесь – совсем другое. Со-овсем другое. Разговор этот мы не закончили. Договорим еще. В другом месте...

«Мажор» пожал плечами.

– Как скажешь... – проговорил он.

– Про Мансура слышали? – понизив голос, спросил Гусь. – А, может, и видели его уже? Так вот, если я говорю: «моя личная просьба», то это все равно что «личная просьба Мансура». А что, я разве этого в самом начале не сказал? Ой, извиняюсь, забыл...

«Пацан с окраины» заметно вздрогнул. «Мажор» Александр Вениаминович Каверин слегка втянул голову в плечи. Рыхлый так вообще раскрыл рот и присел. Только Гуманоид продолжал смотреть на Гуся со спокойным интересом. Так, наверно, умудренный опытом многолетних исследований ученый-зоолог смотрит на резвящуюся под прицелом его бинокля зверушку – такое сравнение пришло на ум Гусю. Ну да что с него взять, с Гуманоида...

– Придется Мансуру передать, что просьбу его вы не уважили, – добавил Саня, – а Мансур парень обидчивый...

Произнеся это, Саня Гусь повернулся и вразвалочку пошел прочь.

* * *

Они вышли из казармы, остановились у крыльца.

– Мансу-ур... – тоскливо проскрипел Сомик. – Капец нам...

– Попадос, однако, – высказался Двуха. – Тут ты, Сомик, прав...

– Не ссы, – не вполне твердо проговорил Командор, – прорвемся. А, Гуманоид? Как считаешь? Прорвемся?

– Вестимо, – спокойно пожал плечами Олег.

– «Вестимо»! – зло передразнил его разнервничавшийся Игорь. – Ты что, говорить нормально не можешь? Аж зло берет... Вечно барабанишь, будто по писаному. У вас в детдоме все такие были, как ты?..

– Нет, – ответил парень. – В детдоме все были такие, как *ты*. Поначалу.

– Ну, хватит! – развел их Командор. – Чего ты взъелся на Гуманоида? Может, он... – Командор усмехнулся, – и правда с другой планеты? Или там, из параллельной реальности?

Тот, кого называли Гуманоидом, эти предположения опровергать не стал.

– Офицеры ведь не позволят, чтобы... в части всякие неприятности случались? – робко предположил Сомика. – Если логически рассудить, это им просто невыгодно, они же сами нагоняй от начальства своего получают. Значит, они изо всех сил должны следить за порядком.

В ответ на столь наивное высказывание Двуха усмехнулся и густо сплюнул себе под ноги. Впрочем, в следующую секунду он, вздрогнув, наступил на плевок и вытянулся, приложив ладонь к виску. Встав по стойке «смирно», козырнули и прочие члены «банды».

Мимо них прошагал старшина, тот самый, который вел колонну вчерашних призывников от железнодорожного вокзала к части. Теперь, конечно, новобранцы накрепко затвердили его фамилию-имя-отчество: Нефедов Борис Федорович. Старшина Нефедов, поравнявшись с «бандой», кивнул солдатам, что-то невнятно пробурчав. Ответить на воинское приветствие по форме он не смог бы при всем желании – в обеих руках Нефедова покачивались большие целлофановые пакеты, из которых выпирали рулоны дешевой туалетной бумаги марки «Суздальское перышко». Выдающееся качество этого «перышка» новобранцы имели возможность оценить с первого же дня пребывания в части. Бумага была запредельно, до прозрачности тонкой, но, тем не менее, имела бесчисленные вкрапления в виде крохотных древесных осколочков, которые – при применении «перышка» по прямому назначению – немилосердно царапали не привыкшие еще к такому обращению задницы юных бойцов.

– Видали, амигос? – осведомился Командор. – Наше «пердышко» поволок. А нам целый месяц в сортире на все кабинки один рулон вешали... Наэкономил себе, значит.

Нефедов уже добрался до КПП, рядом с которым, возле стены, стоял его автомобиль: чистенькая, явно недавно приобретенная «семерка». Поставив пакеты под ноги, старшина принялся возиться с замком багажника.

– Не предполагал, что жалованье старшин столь мало, что они не могут позволить себе покупать туалетную бумагу в магазине, – медленно выговорил Олег.

Двуха счел эту фразу шуткой и захохотал. Командор тоже усмехнулся. А Женя пожал плечами:

– Да нормально им платят, дай бог каждому. Даже очень хорошо платят. Вот у нас в деревне, между прочим...

– Задрал ты уже со своей деревней, – перебил его Двуха. – При чем здесь «как платят»? Как бы ни платили, а приработок никогда не лишней...

В пределах видимости «банды» оказался старлей Бородин, держащий путь из столовой. Бородуля углядел старшину, неторопливо размещавшего в багажнике пакеты с «Суздальским перышком», остановился, напряженно и подозрительно присматриваясь – и заспешил к нефедовской «семерке».

– Запалился старшина! – с восторгом констатировал Двуха.

Между Бородиным и Нефедовым завязалась приглушенная перебранка. Причем, лейтенант явно следовал наступательной тактике, а старшина оборонялся, коротко и хмуро отбредываясь и заслоняя громоздким туловищем открытый багажник своей машины.

Бородин решительно отодвинул старшину, вытащил из багажника один пакет с туалетной бумагой. Провожаемый угрюмым взглядом Нефедова старлей победоносно прошествовал с трофеем в руках к припаркованной рядом «тойоте», сошедшей с чужеземного конвейера лет пятнадцать назад. Отключил брелоком сигнализацию автомобиля, открыл дверцу заднего сиденья и закинул в салон пакет.

– Давай, пацаны, дергаем отсюда, – сказал Двуха. – А то Нефедыч со зла сейчас припряжет нас куда-нибудь. Гуманоид, что застыл?

– Не будет так вскоре, – вдруг произнес Олег, внимательно проследивший сцену от начала до конца.

– Чего это? – поинтересовался Игорь. – Ты никак командованию накатить хочешь на этих упырей?

Трегрей покачал головой.

– Сюминут это не имеет смысла.

– То есть? – не понял и Командор. – А позже, ты считаешь, что-нибудь изменится, что ли?

– Несомненно, – ответил Олег. – Многое изменится.

– А в какую сторону-то изменится? Что будет? – любопытствовал Двуха.

– Будет так, что воровство и прочие гадости станут встречать не с безразличием, а с категорическим осуждением.

– В нашей-то части? – усомнился Командор. – Не смеши людей, амиго!..

* * *

Засвистели, открываясь, ворота воинской части № 62229. Черный автомобиль «Лада» четырнадцатой модели въехал на территорию.

– Во... – поднося развернутую ладонь к форменной кепке, пробормотал себе под нос дежурный. – Лягушонка в коробчонке прискакала... Здравия желаю, товарищ особист-контрразведчик...

Майор Глазов, одетый уже не в перепачканный камуфляж, а в строгий черный костюм, не по-военному сутулясь, пересек плац. Заняв свой кабинет, он переодеваться не стал. Усевшись, положил на стол служебный ноутбук, который никогда не оставлял в кабинете, открыл его и достал мобильный телефон.

– Привет, доча, – проговорил Алексей Максимович, набрав номер и дождавшись ответа абонента – голос его, обычно монотонный и глуховатый, смягчился и потеплел. – Дома уже?... Да, я в части... Как обычно вернусь... Как там мама сегодня?...

Ответ на этот вопрос он выслушивал долго, то сдвигая еще ниже на глаза густые брови, то разглаживая лоб и улыбаясь.

– Не забудь укол ей сделать, – сказал он, дослушав. – Что?... Да, куплю по дороге... Что? Конечно, был, только оттуда. Отделывают, первый этаж почти закончили. Я думаю, как только его доделают, сразу и переедем... Здорово, а как же! В выходные вас с мамой свожу, посмотрите... А второй этаж уже потом – понемногу, потихоньку... Ага... Ага... Ну, пока, до встречи...

Положив мобильник обратно в нагрудный карман пиджака, майор некоторое время глядел в окно. Шел еще только пятый час, а небо уже сильно потемнело и провисло, как пропитавшийся дождевой водой потолок дешевой туристической палатки.

В брючном кармане майора Глазова бесшумно завибрировал мобильник, не тот, по которому он только что разговаривал, а другой, служебный. Алексей Максимович вздохнул, pokrивился и достал телефон.

* * *

Вляпался Саня Гусев глупо. Приехал к нему на присягу старший брат, привез в качестве подарка бензиновую зажигалку (подделку под известную фирму «Zippo»). Поухмылялся еще, гад: мол, не заправлена она, заправлять будешь, меня добрым словом вспомнишь... На следующий же день зажигалка перекочевала из кармана Гусева в карман одного из дедушек, а еще через два дня рядового Саню Гусева дернули к особисту части прямо из столовой.

Как выяснилось, накануне тот самый позарившийся на псевдо-«Zippo» дедушка прогуливался у казармы, теша себя на сон грядущий мыслями о предстоящем в не таком уж далеком будущем отбытии на родину в рязанский поселок Ухрянск, и рассеянно крутил зажигалку в руках. Проходящий мимо ротный старшина дедушку остановил и потребовал:

– Дай прикурить!

– Да не работает... – попытался было предупредить тот, но старшина, в силу армейской привычки не склонный верить кому бы то ни было на слово, завладел зажигалкой и принялся щелкать колесиком.

– Газ, что ли, кончился? – так ничего и не добившись, предположил он и тут же раскрыл корпус неработающего изделия.

Никакого газа внутри корпуса старшина, конечно, не обнаружил, как не обнаружил и долженствующего там наличествовать ватного наполнителя для пропитки. В пустой полости корпуса зажигалки оказался спрятан полиэтиленовый пакетик с какой-то буро-коричневой трухой, в которой обомлевший дедушка без труда признал засушенные и нарезанные экземпляры местных псилоцибиносодержащих грибов.

– И ты думаешь, эта хреновина у тебя тут гореть будет? – иронически хмыкнул старшина. – Она же нераспечатанная!

Вполне возможно, что он и не стал бы развивать тему, а просто вернул бы зажигалку дедушке, но тот при виде пакетика вдруг побледнел и заорал дурным голосом:

– Это не мое!

Чем навлек на себя определенные подозрения.

Тогда старшина взялся за дедку, дедка показал на Саньку, а Саньку потащили к особисту части. Светило рядовому Гусеву дело по статье 228 УК РФ, предусматривающей наказание за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, но особист, как бы между прочим, предложил классический выход из положения – секретное сотрудничество. А Саня, тихо млея от ужаса перед возможным разоблачением и последующей позорной травлей (что может быть хуже клейма стукача?), все-таки, понятное дело, согласился, куда ж ему было деваться. Так Гусь (не рыба, но все-таки водоплавающее) оказался на крючке. Дело о наркотиках замяли, а Саню перевели служить в другую часть – под городом Пантыковым, где его встретил майор Глазов.

Майор скужающим голосом провел с Гусем предварительную беседу, дал подписать еще одну бумажку, зевнув, сообщил, что сотрудничество с ведомством, стоящим на страже безопасности Родины, есть великая честь, и отпустил с миром. В общем, совершенно ясно было, что Глазов сильно напрягать не будет, и все, что майором делается, делается, как говорится, для галочки. Но ко времени прибытия в Пантыков, Саня, малость поразмыслив, успел уже кардинально изменить свое мнение относительно той ситуации, в которую по глупому стечению обстоятельств попал. И что с того, что он теперь сексот? Чего бояться? Разоблачения? Глупо. Перевели из одной части, значит, переведут и из этой. А на новом месте службы можно легко и свободно начать отношения с сослуживцами с чистого листа. К тому же,

тайная эта работа имеет кое-какие преимущества. Во-первых, возможность иметь при себе мобильный телефон, а не сдавать его под подпись и получать только на выходные. Конечно, за определенную мзду и другие бойцы могли постоянно находиться на связи, но Гусю ни за что платить не приходилось: ни за это, ни за сами разговоры. Во-вторых, Саня был уверен: влезть он опять в какую-нибудь поганую историю, дело на него не заведут, а если заведут, то спустят на тормозах. Только нагнать, конечно, сильно не надо... Но главное: сотрудничество с органами *сейчас* вполне может положительно сказаться на *будущем* рядового Сани Гусева. А что? Отслужив, пойдет учиться куда надо, и его возьмут без скрипа (на этот счет Саня специально навел справки у майора Глазова, и тот вроде как подтвердил). А уж потом... Потом высоко можно взлететь, если постараться. Кто сейчас у власти в стране? То-то!.. Говорят, он, который наш самый главный, с той же работы начинал... Согреваемый этой мыслью, а также пониманием причастности к тайне и сладким ощущением превосходства над остальными призывниками, Саня и вести себя начал по-другому, более уверенно и твердо. Сослуживцы его в эту твердость как-то сразу поверили, и очень скоро Гусь заимел среди личного состава вполне ощутимый авторитет.

Свою скрытую деятельность он вел с энтузиазмом. Он выводывал маленькие секреты части (которые, вообще-то, по большому счету, никакими секретами и не были, просто о чем-то было принято говорить вслух, а о чем-то нет) и в подробностях передавал сведения Глазову: кто с кем в каких отношениях, кто что откуда тащит, кто о чем высказывается... Немного смущал Саню тот факт, что никаких последствий его секретная деятельность не имела, но... с другой стороны, это было как раз и неплохо – никто Гуся ни в чем не заподозрил. К тому же Саня привык к мысли, что та мелочовка, которой он вынужден заниматься, органам мало интересна, и время *настоящего задания* еще наступит.

Так оно и произошло. Минуло почти полгода, и вот настал, наконец, тот час, когда майор Глазов, до того только получавший и принимавший однообразные Санины отчеты, самолично выдал Гусеву то долгожданное *настоящее задание*...

* * *

– Все сделал, как мне было сказано, – глядя через окно в набухающее сырой темной осеннее небо, выслушивал Алексей Максимович торопливое бормотание в динамике служебного моби́льника. – Гуманоида этого прошупал. Он в натуре мутный... То есть... ну, какой-то не такой. Я тут за него с пацанами побазарил: половина вообще его стебанутым считает. У меня, кстати, тоже такое впечатление сложилось... Короче, у них компа́шка. Из четырех человек группа, все земляки. Заправляет Александр Вениаминович Каверин, мажорик такой. Я слышал, что он бабла сунул штабным, чтобы их всех четверых не разлучали... Ох, и борзый черт! Про него говорят, будто на гражданке под статью попал, вот и засунули его в армейку. Ну, об этом я подробнее узнаю, попозже сообщу... Под мажором бегают Двуха – это погоняло, а по-настоящему его фамилия Анохин. Такой... типичный быдлан, ушлепок ушастый. Еще один есть, они его Сомиком называют, по-моему, лох лохом... Ну и сам Гуманоид. Он как-то... вроде и вместе с ними, но держится особнячком. И ведет себя... ну... не могу даже слов подобрать... Будто он... генерал, который с инспекцией приехал, но, чтобы его не узнали, в рядового переоделся. То есть, не просто одежду другую надел, а вообще полностью перевоплотился.

Гусь внезапно замолчал. Алексей Максимович услышал, как он невнятно поздоровался с кем-то. Через несколько секунд голос рядового Гусева в динамике служебного телефона майора Глазова зазвучал снова:

– Короче, я к ним подкатил, сказал, что дальняк надо вымыть. А они сразу в отказ пошли. А Гуманоид серьезно так меня спросил: мол, это распоряжение командира или как? И пошел меня Уставом грузить...

Прижав мобильник к уху плечом, Алексей Максимович закурил сигарету. «Фруктов сразу не купил, теперь уже не успею, везде закрыто будет, – подумал он. – Надо было с утра на рынок заехать... прямо из головы вылетело...»

– ...так по всем понятиям, этих четверых теперь *бодрить* придется! – бормотал тем временем мобильник голосом Сани. – Особенно этого мажора сраного... Спускать никак нельзя, сами понимаете. Если каждый салага на старослужащего залупаться... то есть, пасть разевать будет – что ж тогда за армия получится? Вообще все рухнет.

– Ну что ж, – выпустив сигаретный дым, вздохнул Алексей Максимович, – надо – значит, надо.

– Ага. Я думаю, мы с пацанами по одному их выцепим и взбодрим хорошенько.

– Ну что ж... Хотя, погоди. Говоришь, у них команда? Вот со всей командой зараз и разбирайтесь, а не поодиночке. Только без фанатизма у меня, – предупредил майор. – И лучше вообще без рукоприкладства.

– Без рукоприкладства... это уж как получится, – с сомнением проговорил Гусь. – Я хочу это... Мансура подключить. А то они уж больно борзые. Прямо чересчур. Таких гасить надо сразу, чтоб потом башку не поднимали уже никогда!

– Ну, делай, как обычно делается... – вяло согласился Алексей Максимович. – А потом представь подробный отчет о поведении интересующего нас объекта. Все, до связи.

Майор Глазов положил трубку. Затем потушил сигарету в пепельнице и кликнул курсором на помещавшуюся на рабочем столе ноутбука папку, называющуюся «Детдомовец». В папке имелся текстовый документ с таким же названием. Открыв документ, майор заскользил взглядом по строчкам начальных абзацев:

«Василий Морисович Иванов (предполож. наст. ФИО: Олег Гай Трегрей). Далее именуется: объект.

Личные данные объекта (информация, предполож. не соответствует действительности):

Дата рождения 199... год, предполож., апрель. Место рождения, предполож., г. Саратов. Данные о родителях отсутствуют (на период с 19... по 19... гг. по месту прописки мужчин с именем Морис в г. Саратове зарегистрировано не было). Подкидыш. С месячного возраста воспитывался в Саратовском детском доме номер четыре. Данные медицинской карты с момента рождения до июня 201... г. отсутствуют (инф. об утере медицинской карты сомнительна)...

Майор закурил еще одну сигарету и двинул пальцем колесико «мыши», перейдя сразу на вторую страницу документа:

Психологический портрет объекта – так, посмотрим...

«...очень развит физически и интеллектуально, – читал майор Глазов. – Обладает аналитическим складом ума, неоднократно демонстрировал способности отличного практического психолога. Опытный и искусный полемист. Ярко выраженный лидер со склонностью к управленчеству. Обладает гипертрофированным чувством справедливости, которую в любых ситуациях стремится восстановить какой угодно ценой, вплоть до физического давления на окружающих. Хотя в ходе конфликта до последнего старается решить проблему при помощи полемики...»

Алексей Максимович промышал неопределенное:

– М-да... – и продолжил чтение, перейдя к, собственно, главному.

«...предписывается: произведя опытным путем оценку морально-волевых качеств и психологической устойчивости в стрессовых ситуациях, изучить возможности привлечения к сотрудничеству на конфиденциальной основе.... по результатам проверки предоставить подробный отчет по форме №...»

Закончив читать, майор откинулся на спинку стула.

Распоряжений, подобных этому, полученному незадолго до прибытия в воинскую часть № 62229 призывника Василия Морисовича Иванова, Алексею Максимовичу не выпадало получать ни разу за все время службы. По роду своей основной деятельности майор привлекал к сотрудничеству на этой самой конфиденциальной основе добрых два десятка военнослужащих – но никогда раньше не приходилось ему делать это по прямой наводке сверху. А тут еще и – не «привлечь к сотрудничеству», а только лишь – «изучить возможности...» И чего так осторожничать, если этого Василия Морисовича уже вполне есть на чем прихватить? Получается ведь, что личность он свою скрывает, и документы у него, скорее всего, поддельные...

Странно, конечно...

Майор попытался было подумать в этом направлении, но эти мысли, как обычно в последнее время, накрыло мутной волной привычной тягостной думы: «Химиотерапия... Анализы... Может быть, наконец, операция? Опасно, да и по деньгам никак не получается... Но главное – опасно. Эх, Надя, Надя... За что нам все это?..»

Он встряхнулся и поморщился, с трудом возвращаясь к реальности. И сразу навалилась непреодолимо засасывающая усталость... Майор растер лицо ладонями.

– Ну что ж... – косым движением челюсти подавив зевоту, пробормотал Алексей Максимович. – Олег-Василий Трегрей-Иванов... Яркий выраженный лидер с гипертрофированным чувством справедливости... Посмотрим теперь, что ты за фрукт. Тут у нас для таких, как ты... специальные предложения...

Дальнейшие свои действия Глазов представлял отчетливо. Значит, перед тем, как получить разрешение на переход непосредственно к вербовке, ему следовало объекту оной досконально изучить... Чтобы знать, какую тактику применять в работе. Говоря уж совсем грубо: чтобы знать, за что этот объект зацепить покрепче, дабы не сорвался, ибо промахов чекисты давать не могли. Обычно, как было прекрасно известно майору по опыту работы, если находилось, за что объект зацепить, все было просто... В тех же редких случаях, если слабых мест у объекта не обнаруживалось, либо по каким-то причинам воздействия на такие слабые места лучше было избежать, имелся еще один вариант развития события. Жесткий. Объект помещался в такие условия, чтобы ему пришлось метаться в поисках защиты или поддержки, – и вот тогда-то вербовщик мог появиться из тени и предложить единственно верный выход из ситуации. Подобная методика проистекала вовсе не от коварства и кровожадности *органов*. Просто *такие* действия являлись наиболее эффективными для достижения цели, только и всего. Именно этот вариант и предлагали Глазову сверху.

– Ну-с, продолжим знакомство, гражданин Иванов-Трегрей, – проговорил еще Алексей Максимович. – Придется рядовому Гусеву снова напрячься...

«Хотя, что-то в последнее время рядовой Гусев и так напрягается уж слишком сверх меры, – с неудовольствием подумал майор. – Распоясался, балбес, а это нехорошо...»

И тут зазвонил личный мобильный телефон Алексея Максимовича. Он схватил его, с обыденным ощущением тревоги стремясь побыстрее взглянуть на дисплей, выяснить кто звонит. Звонили из дома. И майор мгновенно забыл и о Гусеве, и об Иванове...

Глава 3

Давно была дана команда «Отбой». Казарма спала. Золотые скошенные четырехугольники фонарных отсветов, лежащие в центральном проходе казармы между двумя рядами коек (на так называемой «взлетке»), казалось, чуть вибрировали от густого и мерного хора полусотни храпящих глоток.

Впрочем, шесть коек в казарме были пусты. И на трех еще койках, стоящих в дальнем углу рядом друг с другом, не спали молодые бойцы.

– Скоро начнется, – мрачно прохрипел, подняв голову, чтобы оглянуться на пустующие койки, Игорь Двуха. – Часа два уже после отбоя они там, в этой каптерке, висают. Водку жрут, наверно, чем им там еще заниматься... Вот еще... часик – и вернутся. И тогда начнется... А, Командор?

– Чего ты бухтишь-то? – отозвался Александр Вениаминович Каверин, прочно привыкший к тому, что члены «банды», да и многие солдаты их призыва именуют его Командором. – Спокойнее, амиго, спокойнее. Ничего не начнется. Сейчас за один-единственный синяк под суд угодить реально, если ты не в курсе.

– Можно и безо всяких синяков человека так уходить, что он неделю кишками срать будет, – сказал Двуха.

Командор промолчал. А Двуха еще добавил, нервно поскребя подбородок:

– Если ты такой умный, чего сам не спишь?

Командор ничего не ответил и на это. Собственно, Двуха мог бы и не спрашивать. А то он не стоял с Командором в курилке перед отбоем, когда туда вошел давешний Саня Гусев в сопровождении трех солдат, которые, надо полагать, так же, как и Саня, дослуживали уже свой год. Двуха тогда при виде Гуся даже поперхнулся дымом.

«А еще говорят, что, мол, перед смертью не накуришься... – подмигнул Гусь Игорю. – Глядите, пацаны, малой пол-сигареты выкурил и уже кашляет, не хочет больше... А ты, мажорик, чего глазами лупаешь? Думаешь, если штабное шакалье баблом греешь, так уж и дедушкам дерзить имеешь право?» Командор, аккуратно оттопырив мизинец, потушил сигарету в стоящей на подоконнике консервной банке, исполнявшей функции пепельницы, и ответил вопросом на вопрос: «Значит, предупреждение не понято?..» Двуха поспешно отступил к стене, уверенный, что после таких слов немедленно разразится драка, но трое дедов, включая и Саню Гуся, рассмеялись. Четвертый – рослый парень, обладающий свисающим на ремень внушительным пузцом, их веселья не разделил. Придавив Командора тяжелым, как бетонный блок, взглядом, он сумрачно проговорил неожиданно тонким, словно стрекозиный усик, голосом: «Надеешься, что шакалы у койки твоей по ночам весь год дежурить будут? Это ты зря...»

И четверо дедушек удалились. А Саня Гусь напоследок проронил многозначительное: «Не прощаюсь, сыночки... До подъема, думаю, еще разок встретиться придется...»

Двуха, несколько раз перевернувшись с боку на бок, принялся толкать ногой Женю, притихшего на своей койке, располагавшейся между койками самого Игоря и Командора:

– Эй, Сомик! Сомидзе! Не делай вид, что спишь, все равно не поверю!..

Но Женя, укрытый одеялом с головой, не откликнулся. Он и вправду не спал, он раз за разом прокручивал в голове свое персональное кошмарное воспоминание.

Гусь и компания подловили его в туалете, и Сомик, узрев их, едва не брызнул прямо в штаны тем самым, что намеревался донести до унитаза в полном объеме. «Сюда иди!» – приказал ему Гусь. Женя подошел, едва передвигая вмиг ослабшие ноги, готовясь уже к самому худшему. Гусь вдруг обхватил его за шею, нагнул ему голову и понюхал макушку.

«Трупом от тебя смердит, – высказался он. И добавил, отпустив Сомика и отвесив ему в качестве напутствия пинка: – До скорой встречи, душара...»

– Чего они тянут-то? – вполголоса проговорил вдруг Командор, и Двуха тут же прервался, чтобы переспросить:

– А?

– Забудь.

– Все-таки мандражируешь, – с непонятным удовольствием констатировал Игорь. – А строишь из себя...

– А ты не боишься?

– Я-то? А чего бояться? Что мне, рожу ни разу не чистили? У меня сотрясов одних только шесть штук было, три перелома ребер и два – челюсти. Не, конечно, подсасывает в брюхе, врать не буду.

– А я капуэйро четыре года занимался, если что, – помолчав минуту, высказался Командор. – Если один на один – любого тут уделаю. Или сразу двух.

– Чем занимался? – поднялся на локте Двуха.

– Капуэйро. Бразильское боевое искусство. Неужели не слышал?

– А-а... Это когда негры кувыркаются? – вспомнил Двуха. – Ну, слышал, пацаны рассказывали... Даже по телеку видел. Только, по-моему, фигня это, а не боевое искусство. Танцы. Не в обиду, Командор. Смотрится, конечно, ништяк, а на самом деле, если подумать, попрыгаешь так пять минут – и дух из тебя вон. Это ж сколько лишних движений! Вон бокс – другое дело. Когда техникой владеешь и удар поставленный: буцк на опережение – и противник за секунду вырублен.

– Не соображаешь, что к чему, лучше помолчи, – оттопырив губу, фыркнул Командор. – Буцк на опережение... Эти твои буцки предугадать и заблокировать... или увернуться от них – не хрена делать. А в капуэйра попробуй пойми, откуда удар пойдет. Между прочим, в девятнадцатом веке бразильские уличные бойцы капуэйра тамошних полицейских только так мочили...

– Тут тебе не Бразилия ни хрена, – вздохнул Двуха. – Ладно... Я тебе вот что хочу сказать: я по харе получить не боюсь. Я только с Мансуром связываться опасаясь. Не доверяю я этим джигитам. Беспредельщики они. Им порезать человека – как тебе сморкнуться. Знают, гады, что их по-любому отмажут...

– Мансур – настоящий беспредельщик и есть, – раздался вдруг наполненный неподдельным трагизмом подрагивающий голосок Жени Сомика.

Командор и Двуха одновременно обернулись к восставшему на своей койке Жене.

– Он тут самый главный авторитет, – кутаясь в одеяло, торопливо вещал то, что было давно и прекрасно известно всему их призыву, Сомик. – Надо всеми авторитетами авторитет. Слышали, да? Сам лично редко во что вмешивается, только это... порядок поддерживает. Масть держит, вот как. Ничего здесь без его ведома не происходит. Со всеми офицерами у него это... особые отношения. Они его не дергают, ни на занятия, никуда... Вроде им проплачивают за это с гражданки, а, может, и нет, не знаю точно... А пару месяцев назад у него какая-то разборка с местными дедами была, тоже с авторитетными, только не из нашей роты, из другой... деды те не то чтобы на него наехали, а вроде бы слово неосторожное сказали. Так он один троих покалечил. Двух вообще еле спасли. И что? Думаете, судили его? Тут же куча его земляков обнаружилась, солдатам угрожали, офицерам... письма строчили в Минобороны: мол, в части националистические настроения – единственного среди личного состава чеченца убить пытались. Какой на хрен суд, спустили все на тормозах.

– Гляди-ка, у кого голос прорезался! – усмехнулся Командор.

Сомик, точно не слыша его, продолжал:

– Он раньше под Калининградом служил, Мансур. Его из той, калининградской части сюда перевели, знаете, почему?

– Кто ж не знает, – буркнул Двуха.

– Потому что он зарезал человека... гражданского какого-то, – договорил все-таки Сомик. – Не до смерти зарезал, но все равно – тому бедолаге половину внутренностей хирурги вынули. Пошел, значит, Мансур в увольниловку, встретился с земляками, покатались они по городу, потом заглянули в бар...

– Да чего ты нам это рассказываешь? – повысил голос Двуха. – А то мы не знаем!

– Надо дежурного офицера того... в известность поставить, – вдруг совершенно неожиданно сменил тему Женья.

Если при дневном свете это заявление точно вызвало бы у «четкого и дерзкого» Двухи презрительную реплику вроде: «Да лучше подохнуть, чем стучать!», а у Командора пренебрежительную усмешку, то теперь, в эти тоскливо тянущиеся ночные часы ожидания, оба вышеозначенных члена «банды» только молча переглянулись.

– Сейчас нельзя, – с некоторым сожалением сказал наконец Командор. – Раньше надо было... деловые переговоры с ним провести. Сейчас это уже...

Он не успел еще договорить, как со стороны двери послышались шаги и голоса – нисколько не приглушаемые, словно те, кто шел сейчас по коридору, ничуть не опасались быть уличенными в нарушении распорядка. На мгновение Двуха, Сомик и Командор замерли, прислушиваясь...

– Ну что, амигос, – шевельнулся первым Командор. – Готовьтесь...

– Мне в туалет надо... – тоненько сообщил Женья и даже предпринял попытку соскользнуть с койки на пол, точно намеревался добраться до места назначения по-пластунски.

– Стоя-ать! – успел поймать его за руку Командор. – Куда собрался? Потерпишь.

– Понеслась душа в рай, – хрипнул Двуха. – Смотри, Мансура-то среди них нет... Может, без него обойдется? Эй, я только сейчас вспомнил: говорят, он днем и ночью в спортзале висает, на тренажерах мышцу качает... Мало куда ходит, а жратву ему носят в казарму, или в спортзал, или еще куда... Наверное, и сейчас там, в спортзале... А что, если он до утра там прокорячится, а?

Сомик больше ничего не сказал. Горло у него перехватило, и язык заledenел тяжелой неподвижностью.

Игорь быстро повернулся к койке Трегрея.

– Вставай, братан! – зашипел он. – Вставай, земля, канитель начинается...

Двуха протянул было руку, чтобы толкнуть парня в плечо, но... тут же руку и отдернул. Олег уже открыл глаза и обернулся к Двухе с лицом ясным и спокойным – будто и вовсе не спал.

– Наконец-то, – с улыбкой проговорил он.

Игорь Двуха точно не ожидал услышать от Гуманоида то, что услышал.

– А? Чего? Какое «наконец-то»? – в четверть силы голоса взвыл он. – Братан, сейчас «бодрить» нас будут! Забыл, что ли? Готовься врезаться с этими упырями!..

* * *

Олег Гай Трегрей (как, впрочем, и все без исключения новобранцы) знал, что начавшееся сейчас действие, рано или поздно произойдет. Но в отличие от остальных, он был готов к этому; более того – он этого ждал. Поскольку имел насчет этого действия и, в особенности, насчет своей роли в нем особые соображения.

– Духанка, па-адьем! – рявкнул шествовавший по главе группы старослужащих Саня Гусев. – Подъем, кому сказано!.. Встать! Э-э, животные, едва шевелитесь... Чтоб у вас так хер вставал, как вы на побудке встаете!

Новобранцы заворочались на своих койках, начали поднимать один за другим стриженные головы, заозирались... Двух замешкавшихся деды пинками столкнули с коек. Детина с пузцом снял с себя ремень и двинулся меж рядами коек, толкая еще спящих или притворявшихся таковыми, заглядывая в лица. Командор вдруг вспомнил, как фамилия этого детины – Мазур.

– Дух? – пискляво вопрошал он, шурясь в темноте. И в случае получения утвердительного ответа – с угрожающим свистом взмахивал утяжеленным массивной пряжкой ремней. – Подъем, гнида! Особое приглашение нужно?

– Ремнями бить будут... – упавшим голосом пролепетал Сомик, уже давно вскочивший и вытянувшийся стрункой у своей койки.

Командор тоже поднялся. Отставив ногу и скрестив руки на груди, он придал лицу выражение настороженного достоинства и то и дело, вроде бы как разминая затекшие во сне конечности, поводил плечами и переносил вес тела с ноги на ногу – чтобы заметнее было, как перекачиваются под кожей мышцы.

– Не будут ремнями, – тихо и не поворачиваясь, отозвался он на реплику Жени. – Там же пряжка, а от пряжки следы остаются... звезда отпечатывается. Кому такие улики нужны.

Пользуясь тем, что Командор прикрывает его от дедушек своей широкой спиной, Двуха пока не спешил подниматься. Он сидел, свесив ноги, чуть склонив голову – следил за врагами сбоку, исподлобья.

Олег, чья койка располагалось в самом конце ряда, у стены, и вовсе не изменил позы.

– Хватит дурковать! – углом рта прошипел ему Игорь. – Встань лучше. Не лезь на рожон раньше времени! Все встали, и ты встань! Меня не видно, а ты ж на виду!

– Хорошо, – покладисто проговорил Олег и поднялся с койки.

– Нас сейчас мудохать будут... – шепотом сообщил ему Игорь. – Ты уже понял? Короче, как договаривались днем – держимся вместе, прикрываем спины друг друга. Слышь, Командор? Я так думаю, надо сразу, безо всяких базаров, прыгать на них, как только подойдет.

Впившийся глазами в Гуся Командор не ответил – то ли не успел, то ли не пожелал. Отозвался на предложение Игоря Олег:

– Может, подождем, пока они произнесут то, что собирались произнести? Мне думается, у них есть, что нам сообщить. И у меня есть, что сообщить им.

И будто в подтверждение этому по казарме раскатилось особенно громкое восклицание Сани Гуся:

– Слушаем меня внимательно, духи бесплотные! Скажу один раз, кто чего не поймет – его проблемы!..

Саня стоял, широко расставив ноги. Говоря, он то и дело взглядывал по сторонам, но чаще всего смотрел прямо перед собой – на «банду» в углу казармы. И после каждой фразы коротко резал воздух обеими руками с растопыренными пальцами, словно подчеркивая важность сказанного. Из-за света заоконных фонарей казалось, что лицо его пылает, а на плечах лежат золотые генеральские погоны.

Рядовой Мазур помещался чуть поодаль. Полосуя пространство взглядом справа налево и обратно, он все еще крутил в руке ремень с поблескивающей в казарменной полутьме бляхой – мерный круговой полет бляхи сопровождался тяжелым полугулком-полусвистом.

Остальные три деда находились позади Гуся и Мазура. Создавалось такое впечатление, что пятеро старослужащих поставили перед собой задачу расположиться так, чтобы каждый

из вытянувшихся у своей койки новобранцев постоянно чувствовал, что кто-то из дедушек на него смотрит.

Происходящее здорово напоминало магический обряд: рядовой Мазур исполнял что-то вроде ритуального танца со священным оружием, позволяя Сане Гусю, напрягая легкие, заклинать *духов*, чьи призрачно-бледные физиономии плавали вокруг в душном сумраке, а тройка дедов присматривала за спинами главного заклинателя и его телохранителя...

– Короче, вбейте в свои тупые бошки накрепко самое главное – вы здесь никто! – Гусь был заметно пьян, но говорил не спотыкаясь, видимо, заранее продумав речь. – Вы здесь – говно. Самое что ни на есть. Понятно?

Закончив это короткое вступление Саня икнул и перешел к основной части:

– В первую очередь, бойцы, поздравляю вас с началом *настоящей* службы! С первой ночью в *настоящей* армии! Ну?

Он выжидающе замолчал. Новобранцы тоже молчали и переглядывались, не вполне понимая, чего от них в данный момент хотят. Один из тех солдат, к кому не подходил рядовой Мазур, тоже проснувшись, но не вскочивших, а оставшихся лежать на койках, с интересом наблюдая за происходящим, – выпростал из-под одеяла голую ногу и пнул под зад ближайшего новобранца.

– Троекратное «ура», задрыга! – милостиво подсказал он.

– Ура... – вякнул дернувшийся от удара новобранец. – Ура...

– Ура... Ура... – вяло и нестройно поддержали его недавние призывники.

– Благодарю, товарищ младший сержант, – повернулся к подсказчику Саня Гусев.

– Служу... и-э-э-х... – с зевком отозвался мордатый младший сержант и чуть пошевелился на подушке, – России. Валяй, продолжай, Гусь!

– Если кто из вас, духанчиков, – продолжил Саня, – зомбоящика насмотрелся и думает, что в нынешней армии все по Уставу, что с неуставщиной теперь строго и что прокуроры по первому же вызову в часть мчатся на вертолетах – он сильно ошибается. Неуставщина – она есть и будет. Потому что, – он наставительно ткнул в потолок указательным пальцем, – не будет неуставщины, не будет и нашей российской армии, вот так!.. Не, ну, может быть, в каких-то частях журналисты с проверяющими из прокуратуры и табунятся, – сделал допущение, презрительно скривившись, Гусь, – но в нашей части такого нет. В нашей части, слава богу, все нормалек, все как надо!

Надо заметить, это жизнерадостное известие взрыв радостных восклицаний у новобранцев не вызвало. Напротив, кто-то из них уныло и маловнятно пробормотал что-то вроде: «Охренеть, как весело!»

– Чё ты сказал, урод? – двинулся было к смельчаку, крутанув ремень сильнее, рядовой Мазур, но Гусь остановил его:

– Погоди, погоди, братух, парни еще не секут... Объясняю по порядку! – возвысил он голос. – Вы еще не забыли, духи, что вы здесь говно? Если забыли, напоминаю: вы – говно! Почему? Потому что ни хера не приучены к армейской дисциплине и вообще в службе не шарите. Вас еще полгода надо во все дыры долбить, чтобы вы соображать начали, как следует! А кто этим будет заниматься? Шакалы? То есть... офицерский состав? А оно им надо? Круглый год ходить за вами, гавриками, сопли вам подтирать, день и ночь талдычить одно и то же – это не то, что шакал... нормальный человек не выдержит. Поэтому среди них дураков нет. Все люди разумные и адекватные. Сами живут и другим жить дают – наш комполка других не держит. Говорят, до него, до Сам Самыча нашего, в части еще бывали шакалы идейные... – Гусь пренебрежительно пошевелил пальцами. – Ну, те, которые реально думают за год из салажат конкретных универсальных солдат сварганить. А Сам Самыч, как его сюда поставили, быстро им лыжи смазал. Выжил по одному. Ибо не хрена. Не нужны они здесь. Поэтому и получилось так, что вы, салаги, наша проблема.

– Так, – развивал мысль дальше рядовой Саня Гусев. – Служить вы пока не можете. А служить-то надо! И пахать надо! И что получается? Мы – кто уже шарит, что почем, кто все тяготы и лишения приучен переносить – должны за вас, криворуких дебилов, службу нести? И пахать должны за вас? Так, что ли?

Он вдруг отшагнул в сторону и выцепил за ухо очкастого новобранца Шапкина.

– Так, я спрашиваю, водолаз?! – гаркнул Саня в перекосившееся от испуга и боли лицо Шапкина. – Или нет?

– Нет... – едва слышно выдохнул новобранец.

– То-то, – одобрительно кивнул Гусь и затрещиной отправил Шапкина обратно к его койке. Потом кашлянул и заговорил снова, явно стараясь, чтобы его голос звучал по-командирски внушительно:

– Поэтому перед нами, старослужащими, стоит нелегкая, но почетная задача: как можно скорее вылепить из вас, любителей мамашиных пирожков, более-менее пригодных для защиты Отечества воинов! Как можно скорее, – повторил и тут же задал вопрос подавленно молчащей аудитории: – А как можно скорее?

Новобранцы промолчали. За них ответил писклявый Мазур:

– Один удар в печень заменяет трехчасовую лекцию!

– Во! – снова воздел палец к потолку Гусь. – Коротко и ясно.

Он снова подался в сторону и вытянул к себе того же Шапкина, ухватив его уже за другое ухо.

– Боишься? – осведомился Саня, хотя и без этого было видно, какие именно чувства обуревают новобранца Шапкина – его крупно трясло, пухлые щеки покраснелись, а линзы очков сильно запотели по краям. – Боишься! – сам с собой согласился Гусь. – А бояться не надо! – провозгласил он, отпуская Шапкина со «взлетки» – уже при помощи пинка.

– Чего бояться-то? Конечно, заниматься теперь с вами будут не только летехи и старшины, а все больше наши славные парни: младший сержант Бурыба...

Давешний мордатый махнул Сане рукой.

– ...Младший сержант Кинжагалиев! Ну и другие сержанты и ефрейторы... с кем-то из которых вы уже познакомились, а с кем-то познакомитесь позже...

Соседняя с командоровской койка натужно скрипнула. Шевельнулась громоздящаяся на этой койке немалых размеров туша, полностью укрытая парой одеял и потому напоминавшая сугроб. А потом из недр этого сугроба родился мощный и продолжительный вибрирующий рокот – будто кто-то взял на тромбоне низкую ноту. Деды заржали. Командор отшатнулся, прикрывая ладонью нос.

– Это младший сержант Кинжагалиев передал вам, духанка, привет, – дополнительно пояснил Гусь. – Итак, младшие сержанты с вами будут заниматься. Ну и мы тоже по мере своих сил будем им помогать. Скажу сразу: дрючить будем жестко. По-настоящему жестко – в карантине вы такого и не нюхали...

– Точно – не нюхали, – морщась, очень тихо пробурчал Двуха, до которого к тому времени докатилась волна кинжагалиевского приветствия.

– Жестко, да! – продолжал Саня. – А вы как думали? Думали, в сказку попали? Здесь вам ни хера не ясли. И спрашивать будем с вас еще жестче! Потому что и с нас за вас шакалы спросят. Понятна схема, я надеюсь? Но... что еще хочу сказать...

Гусь вдруг снова обернулся к Шапкину, которому несчастная судьба уготовила участь оказаться к нему этой ночью ближе других новобранцев. Шапкин тут же инстинктивно присел и закрыл руками налитые багровой кровью уши. Гусь ухмыльнулся и отступил.

– Еще хочу сказать, что беспредела у нас нет, – договорил он. – Калечить никто никого не собирается. Пацаны! – обратился Саня к сержантам. – Подтвердите!

– В натуре, – зевнул мордатый Бурыба.

Сержант Кинжагалиев снова шевельнулся под одеялами, побряхтел... но повторить только что проделанный трюк не сумел. Поэтому лишь неразборчиво буркнул что-то.

– Слыхали? – окинул взглядом спальню рядовой Саня Гусев. – Вот так... Но с особо быкующими... – тут он прищурился в сторону Командора и компании, – и с особо тупорылыми разговор у нас будет... особый. Так поговорим, что мало не покажется...

Взгляд Гусева уже на излете зацепился за Сомика, и Сомик затрепетал.

– Ну, конечно, во всяком призыве найдется такая падла, – заговорил Гусь, словно вид Жени пробудил в нем новую мысль, – которая вздумает настучать... командирам или в прокуратуру, или в комитет матерей... Командиры-то сор из избы не выносят, стукачилло еще и от них огребет. А на гражданке... они ведь там нашей жизни никогда не поймут. Поэтому из-за всякой херни вонь до небес поднять вполне могут, только эта вонь так вонью и останется. Потому что, если кто не понял, никакому командиру лишние проблемы не нужны. А вот сам стукач... – Саня изобразил на лице крайнюю степень презрения. – Думаю, никому не нужно объяснять, что с такими гадами, стукачами, бывает. Стукач – не мужик. Даже вообще не человек. Чмо, утырок... Тьфу! Хуже бабы, хуже таракана! Раз только тебя в стукачестве заподозрят, вовек не отмоешься. Всю армейку чморить будут, в какую бы часть не перевели. Да и после армейки всплывет стукаческое прошлое, не сомневайтесь! Вот я бы лично стукачей прямо в толканах топил, безо всякой жалости!..

Саня Гусь вдруг с удивлением почувствовал, как внутри него разгорается вдохновение, фразы получаются мощными и яркими, а в голосе дрожит самая натуральная искренность. В этот момент он совершенно серьезно ненавидел тех, кто мог бы лелеять в душе желание двинуть донос командованию или прокуратуре, но в то же время ясно ощущал, как где-то в глубине души велосипедным звонком злорадно дребезжит восторг сознания собственной тайны.

– Короче, чего тут базарить, парни... – завершающе приглушил он голос. – Армейскую науку вы получите в полном объеме. Да, первое время попотеть придется. Да, впахивать надо будет за себя, за нас и еще за того парня. Но это не потому, что мы здесь такие сволочи и нам в радость вас гнуть. Это, парни, чтобы вы быстрее прошаренными стали. А теперь еще кое-что... Коли уж дедушки на свои плечи взвалили проблему вашего воспитания, то дедушкам эти труды как-то компенсировать надо, нет? Вам зарплату будут платить, так вам ее первое время и тратить некуда будет. На конфетки из чипка мама с папой пришлют, не переживайте. А зарплату... – Саня постучал себя по карману. – Понятно?

Замолчав, он особенно зорко оглядел казарму. Кто-то из новобранцев, сгорбившись за спинами товарищей, тихонько присвистнул, но мордатый Бурыба вмиг вычислил недовольного:

– Это кто там такой борзый? – приподнялся сержант. – Не нравится что-то? В армии нет: «нравится не нравится». В армии есть: «надо».

– С вами, духами, по-человечески, а вы тут же наглеть начинаете, – прогудел из-под одеяла Кинжагалиев. – Не, Гусь, по-моему, с ними на другом языке разговаривать придется...

Сразу же после этих слов в коридоре застучали тяжелые шаги. Спустя пару секунд в дверном проеме возник громоздкий силуэт, и в спальне стало темнее – вошедший заслонил падающий из коридора свет. Гусь, Мазур и три деда, стоящие рядом с ними на «взлетке», обернулись.

– О, – проговорил Саня. – Здорово, дружище Мансур, мы уже заканчиваем...

– Вот и Вий пожаловал, – пробормотал под нос себе Командор.

Мансур роста был выше среднего, но казался невысоким – из-за непомерной ширины плеч и неестественно массивного торса. Из одежды на нем не было ничего, кроме трусов (если не считать еще полотенца, висящего на бычьей шее), и при взгляде на его тело,

огромное и бугристое, точно слепленное из булыжников, становилось страшно. Он, видно, только что помылся – очень белая его кожа тускло поблескивала, как чешуей, каплями воды, волосы (куда длиннее, чем положено по Уставу) полностью закрывали низкий лоб и черными сосульками свисали над глубоко упрятанными под надбровными дугами маленькими глазами.

На мгновение задержавшись в дверном проеме (словно дав возможность всей спальне на себя полюбоваться), Мансур прошел дальше, присел на первую попавшуюся койку, от которой тут же шарахнулся стоявший там новобранец, и безмолвно застыл в позе стороннего наблюдателя.

Если у кого-то из нового призыва и было желание протестовать против заключительной части речи Сани Гуся, то при появлении Мансура оно улетучилось мгновенно и бесследно.

Впрочем, Гусь выждал еще немного. Победно оглядел новобранцев и заговорил, улыбаясь с деланным добродушием:

– Такие порядки у нас, парни, ничего не поделаешь. Сами рассудите: все по справедливости. Через полгода ваши духи вас так же благодарить будут. С баблом на кармане на дембель пойдете. Вот домой ехать – тогда-то бабосы точно понадобятся. А сейчас зачем?.. Ну как? Я вижу, парни вы вроде нормальные, и все уже поняли...

– Кому чего не ясно? – взвился вверх зудяще тонкий голосок Мазура. – Кому по-другому объяснить?!

– погоди, братух, – Гусев положил руку ему на плечо. – Да не маши ты своей бляхой, а то мне еще жбан разобьешь... Парни, я серьезно спрашиваю – есть вопросы? Задавайте сейчас, а то потом поздно будет. Я вам все разжевал, какие у нас тут правила, – добавил Саня тоном, каким равный обращается к равным. – Кто-то с чем-то не согласен?

Новобранцы зашевелились. Со всех сторон посыпалось:

– Согласны, да...

– Все путем, чего непонятного...

– Нет вопросов... – и в этом шелестящем хоре явственно читалось облегчение от того, что все, наконец, завершилось, причем неожиданно мирно, и бить, кажется, этой ночью никого не будут.

Один из новобранцев, коренастый и низкорослый парень деревенской топорной наружности, Сережа Петухов, еще в карантине окрещенный, естественно, Петухом, – высказался более подробно:

– Не, ну так-то все нормально, все по-людски, – со старательно наигранной степенностью (как будто у него был выбор) проговорил он. – А то на гражданке ужасов нагоняли всяких...

– Это те нагоняют, кто сам не служил, – поспешил поддакнуть и Шапкин, все еще держа на всякий случай ладони у ушей.

– Хор-роший какой призыв заехал! – вдруг гаркнул прислушивающийся к репликам новобранцев мордатый младший сержант Бурыба. – Все понятливые...

Олег помедлил еще несколько мгновений, будто в надежде услышать от новобранцев что-нибудь, принципиально отличное от уже сказанного, не услышал и решительно шагнул на «взлетку».

Мансур чуть пошевелился, поворачиваясь к нему. Яростно скрипнула служившая ему сидением койка.

– Заниматься воспитанием и обучением, – негромко, но отчетливо произнес Олег, – надлежит тем, кто призван к этому долгом. Система, оглашенная допрежь, наизнанку вывернутая форма воинского товарищества есть продукт преступной лени командования. Первоначально: военнотружущие подчиняются тем из их числа, кто выше по званию, как и пред-

писывается Уставом. Равные по званию – равны между собой. Отныне будет так. Засим: отнимать у новобранцев выплачиваемые им деньги недопустимо. Ни один военнослужащий не отдаст своего жалованья другому по принятому давеча из страха соглашению. Отныне будет так. И еще: если офицеры в нашей части не желают честно и с доброй совестью исполнять свой долг, мы обязаны заставить их делать это. Но никак не стремиться извлекать из ситуации выгоду для себя. Это гнусно. И этого боле не будет. Я решительно это возбраняю.

* * *

Саня Гусь догадался разрядить стремительно распухающую темную паузу громким и заметно фальшивым смехом. И это подействовало. За Саней пронзительно захихикал Мазур, потом загоготала троица рядом с ними, а потом смех запрыгал по койкам и постепенно потух в неуверенных ухмылках новобранцев. Сержант Бурьба спустил ноги со своей койки. Сержант Кинжагалиев, откинув одеяло, поднялся, чтобы получше рассмотреть Олега, вызвавшего своей речью столь бурную реакцию казармы. Кажется, только Мансур, неподвижной глыбой давящий чужую койку, не улыбнулся. Он смотрел на Трегрея с холодным безразличием.

– Это что за чучело? – спросил Кинжагалиев.

– Это Гуманоид, – пояснил во всеуслышанье Гусь. – Такой вот Гуманоид...

– Он маленько... того, – тут же угодливо произнес Шапкин. – Ну... с причудами.

– Они все четверо маленько с причудами, – согласился Гусь, нехорошо прищурившись. – Вот по этой самой причине мы вынуждены сообщить, что настало время для последней, заключительной, части нашей, дорогие друзья, встречи. Мансур! – обернулся Саня. – Я вот об этих уродах говорил. Авторитетов не признают, хамят, угрожают... Короче, беспределят. Гасить их надо, никуда не денешься! – разведя руками, заключил Гусь таким тоном, словно принятое решение было лично для него хоть и вынужденным, но очень неприятным.

Мансур едва заметно качнул головой. Сержанты, а за ними еще около десятка солдат предыдущего призыва один за другим поднялись с коек. Новобранцы растерянно переглядывались.

– Духовенство! – выручил их окрик рядового Сани Гусева. – Всем отбой! Кроме четверых покойничков, конечно... Остальные – баиньки!

– Значит, показательное наказание решил устроить? – Командор явно очень старался, чтобы его голос звучал спокойно. – Чтоб другим неповадно было? Ты что, не понимаешь, на кого ты тянешь? Я тебя лично предупреждал, и если ты считаешь, что я хоть сколько-нибудь преувеличил...

– Закройся, сука! – отгавкал его Гусь уже с настоящей злостью. – Думаешь, великий до хрена? Сейчас мы тебя укоротим...

– Здесь тебе мамаша с папашей не помогут! – присовокупил и Мазур. – Выходи на «взлетку», чего притаился?.. Под койку нырнуть готовишься?

Командор пожал плечами – жест этот, долженствующий обозначать пренебрежение к угрозам, получился у него судорожно ненатуральным – и шагнул на «взлетку». За ним выступил набыченный, изготовившийся уже к драке Двуха.

– К спине! – зашипел Двуха, оборачиваясь к Олегу. – К спине, Гуманоид! Сомик... Чего ты телишься?

Сомик топтался у койки с видом человека, который хочет бежать сразу во всех четырех направлениях.

– Прекратите, – негромко сказал Олег Командору и Двухе. – Не стоит устраивать драки. Я сам разберусь.

– Разберется он... – пробормотал Двуха. – Ты еще мне показывай...

«Взлетка» моментально стала тесной. Деда наступали с трех сторон, зажимая в угол «банду», наступали с угрожающей неторопливостью, но ясно было – достаточно одного резкого движения, одного слова, и они бросятся всей гурьбой.

Новобранцы, быстро попрыгав по своим койкам, улеглись. Ни у кого из них не возникло желания вступить за «банду». Вернее, желание-то, может быть, и возникло, но... как осуществить его, это желание, если все нехорошее для них лично уже закончилось? Зачем приключений себе на задницу искать? Разговор со старослужащими завершился – и на вполне мирной, между прочим, ноте... И не так ужасно все оказалось, как могло быть. Их посвятили в царящие здесь правила, и они с этими правилами согласились совершенно добровольно, без особых принуждений и унижений... Конечно, соблюдение этих правил гарантирует в дальнейшем жизнь вовсе не сахарную... но здесь, как справедливо заметил Гусь, армия, а не ясли. Здесь легко не бывает. Первое время придется потерпеть, потому что со своим уставом в чужой монастырь, как говорится... А эти четверо балбесов сами виноваты. Лучше других себя считают? На особом положении себя видят? Вот и пусть огребут за это. Нечего выпендриваться, надо скромнее быть. В конце концов, кто их просил на дедов наезжать?.. Вообще, правильно их сейчас поучат. За дело.

– Я – урожденный дворянин, – проговорил вдруг Олег. Встав на «взлетку», он оказался спиной к Командору и Двухе, а лицом к младшему сержанту Бурыбе, приближающемуся к нему во главе группы из четверых солдат прошлого призыва. На лице сержанта отразилось недоумение. Он остановился. Остановились и те, кто шел за ним.

– Чего это? – вопросительно пробурчал Бурыба. – Какой еще дворянин?

– Да не слушай! – подсказали сержанту сзади. – Он тебе мозги пудрит... Сказали же, мутный он, этот Гуманоид...

– Я предупреждаю, – пояснил Олег. – Если вы решите применить силу, вы должны знать, с кем вам придется иметь дело.

Бурыба усмехнулся, сделал было еще шаг вперед, но... снова остановился, оперевшись взглядом в Олега, остававшегося в позе спокойной и даже расслабленной. Некоторое сомнение замерцало в глазах младшего сержанта.

– Чё ты зыришь, падла?! – заводя себя, заревел он на Трегрея, качнулся в сторону и вдруг одним мощным движением выдрал с ближайшей койки дужку – толстую изогнутую металлическую трубу, обеими концами вставляемую в коечное изголовье. – Ну, чё зыришь? – выкрикнул он еще раз, занеся дужку для удара. – У тебя две башки, что ли? Одна лишняя, другая запасная?! Зашибу, сука! Ложись на пол, зашибу! Кому сказал?..

В то же самое время за спиной Олега неслабо удивил противников и Командор. Он крутанул с места обратное сальто и, приземлившись, несколько раз с громким хеканьем рубанул кулаками воздух. Мазур, уже, кажется, принаравливавшийся приложить Командора ременной бляхой в грудь, отскочил от него на шаг и наткнулся спиной на младшего сержанта Кинжагалиева. Кинжагалиев, в свою очередь, тоже попытлся, преградив путь находящимся позади него. Избавившись от опасности получить удар страшной бляхой, Командор рванулся вперед. Он высоко подпрыгнул, метя обеими ногами в грудь Мазура, но тот успел увернуться – и выступление Командора, начавшееся так эффектно, завершилось совершенно бесславно. Александр Вениаминович Каверин ухнул плашмя на пол прямо под ноги сержанту Кинжагалиеву. Тот не упустил момента и от души врезал Командору пяткой в живот. Командор скрючился посреди «взлетки», шипя, как проколотый ножом мяч.

– Мочи его, пацаны! – заверещал Гусь откуда-то из-за спин товарищей. – Мочи его, не давай встать!

Вокруг Командора тут же сомкнулось плотное кольцо, и слышались тяжкие глухие удары.

Младший сержант Бурыба решился, наконец, перейти от угроз к действиям. С громким, но нечленораздельным воплем он скакнул к Олегу, размахнувшись кроватьной дужкой. Удар предполагался сильнейший, такой, от которого любой здравомыслящий безоружный человек предпочел бы увернуться и уж точно не стал бы пытаться блокировать его голой рукой. Олег, не тронувшись с места, даже, кажется, не дрогнув, выбросил руку навстречу несущейся к его голове тяжелой металлической трубе и перехватил ее с такой легкостью и хладнокровием, будто это была свернутая в трубку газета. Бурыба дернул было дужку на себя, но Олег, чуть крутанув кистью, без труда лишил сержанта его оружия. Ошарашенный сержант секунду глупо хлопал глазами, а потом молча попятился. Олег шагнул вперед, держа в руке дужку, – Бурыба, спотыкаясь, сделал пару шагов назад, а потом повернулся и отступил со «взлетки», перепрыгнув через изувеченную им минуту назад койку. Те, кто был с ним, тоже поспешили отбежать подальше. Трегрей не стал никого преследовать. Приблизившись к койке, он вернул дужку на место, отстранился, деловито посмотрел, как она вошла, и, не вполне удовлетворенный результатом, прихлопнул ее сверху кулаком. Дужка с легким щелчком встала как было...

И тут рвущей барабанные перепонки сиреной заполнил спальню хриплый визг Игоря Двухи.

В отчаянном броске умудрившись сорвать с руки Мазура намотанный на кисть ремень, Двуха стоял теперь посреди «взлетки», чертя над головой гибельной бляхой свистящий круг.

– Убью, пидоры! – надрывно-истерически вопил он, выпучивая глаза. – Убью, мне терять нечего!

Противники отхлынули со «взлетки», на всякий случай хоронясь за койками. Изрядно потоптанный Командор ворочался на полу, силясь подняться. На белой коже его во многих местах пунцовели следы ударов, из разбитых в синие лепешки губ хлестала по подбородку и горлу кровь, собираясь под ним в темную лужу... страшно кривилось к скуле полуоторванное ухо...

– Поубиваю всех! – продолжал хрипло голосить Двуха, вроде бы безумно, но на самом деле, скорее всего, расчетливо предполагая привлечь своими воплями внимание тех, кто должен был следить в расположении за порядком.

И так жуток был вид Игоря, так страшно гудела, рассекая спертый воздух, смертоносная бляха, что никто не смел подступиться к нему. Те, кто еще минуту назад жаждали схватки, сейчас неуверенно жались, не рискуя вылезти вперед. И неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не Олег, скользнувший к Двухе сзади. Очередной сумасшедший вопль вдруг прервался. Двуха замер в дурацкой позе – полуприсев на растопыренных ногах, одну руку вытянув вперед в угрожающем жесте, а другую, пустую, задрал над головой.

– Довольно, – негромко произнес Олег, аккуратно складывая пополам и еще раз пополам отобранный ремень. – Пока кто-нибудь всерьез не пострадал, остановись. Я ведь говорил тебе, Игорь, не стоит устраивать драку. Боле драться никому не позволю.

Несколько секунд тянулась оглушающая тишина, а потом чей-то голос, гулкий и низкий, насмешливо спросил:

– Да ну?

Каждый, кто присутствовал в этот момент в казарме, обернулся туда, откуда донесся этот голос.

– Да ну? – повторил Мансур, медленно поднимаясь, расправляя плечи и наматывая на правый кулак снятое с шеи полотенце.

* * *

– Так как ты сказал? – осведомился Мансур. – Никому драться не позволишь? Это ты так решил, да?

– Вестимо, – ответил Олег и отбросил сложенный ремень на ближайшую койку.

– Здесь я говорю, когда и кому что делать, да?

Мансур говорил почти без акцента, лишь слишком сильно напирал на гласные, приглушая их и наделяя горловой хрипотцой. Еще одной заметной особенностью его речи было окончание вопросом почти каждой фразы.

– Почему? – отозвался Олег.

Мансур хмыкнул:

– Потому что я самый главный, да? – ответил он.

– А почему ты самый главный? – тут же спросил снова Олег. Он спрашивал серьезно. Нисколько не было похоже, что он пытается тянуть время или, избави боже, издевается над Мансуром. Было понятно, что Олега действительно интересовал ответ на этот вопрос.

Мансур тоже это понял.

– Почему?.. – немного удивленно повторил он. – А больше некому потому что. Кто еще? – И снова хмыкнул, широко раскинув руки, словно приглашая любого желающего оспорить его власть.

– Выходит, личный состав подчиняется не только и не столько приказам вышестоящего командования, а тому из числа своих же, кто сильнее и беспощаднее прочих?

– Да, – с усмешкой согласился Мансур. – А как же? Звездочки что, человеку ума и сил прибавляют? Если ты баран, хоть с головы до ног увешайся звездочками, все равно бараном останешься, правильно, нет? Сильный – всегда главный, правильно, нет?

– Нет, – спокойно сообщил Олег. – Достойный – всегда главный. А так, как ты сказал, быть не должно.

Это высказывание прозвучало так неожиданно, что Мансур, неторопливо шагавший по «взлетке» все ближе и ближе к Олегу, остановился. Склонив голову, внимательно посмотрел на того, кто стоял перед ним – невысокого темноволосого парня, ничем примечательным не выделявшегося. И не нашелся, что сказать.

– Ай... – слабо простонал за спиной Олега Командор.

С помощью Двухи, уже успешно вышедшего из оцепенения, Командор поднимался на ноги.

– Вы, суки, вообще, что ли, отмороженные?! – с непогасшими нотками истерии в голосе выкрикнул Игорь. – Вы что с ним сделали? За это точно вам, уроды, суд светит! Вы знаете, кто он такой? А? Кто батя его, знаете?

– Жубы целые... – пробормотал тем временем Александр Вениаминович Каверин, шлепая языком по распухшим губам. – Ребра... – он погладил себя по бокам, – тоже, кажется... Что жделали, Игорек? Что со мной? – встревоженно спросил он, шаря ладонями по телу в поисках повреждений.

– Ухо же! – воскликнул Игорь. – Оторвали... почти!

Командор мгновенно схватил себя за изувеченное ухо и тут же отдернул руку, точно обжегшись.

– Ай! – завопил он и затопал ногами. – Ухо! Ухо! Скорую!.. Меня же оперировать!.. Срочно!.. Надо!.. Помогите!

– Нет особой нужды в спешке, – оглянувшись, успокоил его Олег. – И рана твоя весьма несерьезна, не следует так беспокоиться. Довольно простейшей операции, кою способен исполнить любой...

Мансур с поразительным для своего громадного тела проворством метнулся вперед, на Олега. Этот бросок был стремителен и бесшумен, но Трегрей успел обернуться.

Дальше произошло нечто странное. Олег даже не поднял рук, чтобы защититься, но Мансур, подлетевший уже почти вплотную к нему, вдруг застыл, на крохотную долю секунду окаменел в своем порыве – и тотчас откинулся назад с такой силой, что едва устоял на ногах. Словно он наткнулся всем телом на упругую невидимую преграду.

На виске Олега обозначился голубой зигзаг вздувшейся вены. Пульсирующе толкнулся под кожей несколько раз... и растаял.

Мансур шатнулся в одну сторону, в другую... И нетвердо ступая, двинулся прочь от Олега. На ходу он беспрерывно встряхивал головой и беспорядочно поводил руками перед собой, словно пытался отмахнуться от чего-то, видимого лишь ему одному. Он выглядел так, как выглядит оглушенный за секунду до того, как окончательно потерять сознание и рухнуть наземь.

– ...операции, кою способен исполнить любой человек, имеющий минимальные навыки оказания медицинской помощи, – договорил между тем Олег, снова обратившись к Командору.

А потом Трегрей повернулся к Мансуру. Того, обмякшего и безвольного, с великим трудом удерживали в вертикальном положении Саня Гусь, Мазур и еще двое солдат.

– Братан, ты чего?.. Ты чего, братан?.. – быстро-быстро шептал, с тревогой заглядывая в лицо Мансуру, Гусь.

– Я же сказал, – произнес Олег, – никому боле драться не позволю. Разве непонятно? Я это решительно возбраняю.

Мансур в очередной раз встряхнул головой. И вдруг выпрямился и посмотрел вокруг взглядом уже не мутным, а более-менее осмысленным. Вся казарма замерла в опасливом ожидании, что сейчас грянет такая буря...

Но ничего подобного почему-то не произошло. Мансур поворотом тела вырвался из рук добровольных помощников, тяжело протопал к своей койке и, ни слова не говоря, ничком упал на нее и затих.

В коридоре застучали торопливые шаги.

На пороге возник встрепанный и полуодетый дежурный старший лейтенант Бородин, за глаза именуемый в части Бородулей. За спиной Бородули маячил бледный Сомик, а за спиной Сомика – хлопал глазами растяпа-дневальный.

– Во, ловкий душара... – изумленно прошипел кто-то, отдавая дань почти неестественной ловкости, с которой Женя умудрился выскользнуть из казармы так, что никто его исчезновения и не заметил.

– Что за шухер в расположении?! – начал было начальственным раскатом Бородуля, но сразу осекся, заметив окровавленного Командора. – Вы что, придурки, охренели совсем? – понизив голос и инстинктивно оглянувшись, захрипел он. – На дизель не терпится, козлы?.. Эй, как тебя?.. Пострадавший! Марш со мной в санчасть! Как же ты так, болезный, неудачно с койки-то упал... Что?! – рыкнул он на открывшего было рот Двуху. – Я сказал «с койки упал», значит – с койки упал!

– Рядовой Каверин был избит, – проговорил Олег. – И каждый здесь это подтвердит.

Если Бородуля его и услышал, то реагировать не стал. Не до того было Бородуле.

– В санчасть, в санчасть!.. – суетился он. – Ты, ты и ты! Взяли быстро этого парашютиста и волоките в санчасть... Уроды, нашли время барагозить... И ведь, твари, именно в мое дежурство. Постой, а фамилия парашютиста как? Каверин? Это, тот самый Каверин, что ли, за которого из штаба просили?.. Ух, екарный бабай! Нашли, кого бодрить! Шумиха, блин, подыметя!..

* * *

Когда казарма затихла, младший сержант Бурыба поднял голову, осторожно осмотрелся. Все спали... Или делали вид, что спали. Бурыба тихонько встал, подтянул трусы и на цыпочках пробрался по проходу к той койке, из изголовья которой он не так давно вырвал дужку. Щурясь в потемках, он начал торопливо, но внимательно осматривать дужку, почти касаясь ее носом – точно обнюхивал.

«Показалось... – спустя минуту с облегчением подумал он. – В натуре, показалось. Не может же такого на самом деле быть...»

Впрочем, чтобы убедиться окончательно, Бурыба решил еще и ощупать дужку. И на месте одного из сгибов ладонь его дрогнула и замерла, наткнувшись на неглубокие вмятины в металле. Их было четыре, одна подле другой. И ничем иным они не могли являться, кроме как следами от человеческих пальцев. Именно эти вмятины ожидал и боялся обнаружить младший сержант.

«Он же за сгиб дужку и схватил, – вспомнил ошарашенный Бурыба. – Когда я ему врезать хотел. Да, точно – за сгиб...»

В растерянности младший сержант сам взялся за дужку, напрягся... Конечно, толстый металл под его пальцами не промялся нисколько. Бурыба сглотнул и так же на цыпочках вернулся на свою койку.

«Ни хрена не понимаю... – болталась, как голая лампочка в пустой комнате, единственная мысль в его голове. – Это ж... Кто ж он такой-то, Гуманоид? Может, реально не... не нашенский. А откуда-нибудь... оттуда?»

Глава 4

Прокурор Саратовской области полковник Сергеев Степан Иванович только что зашел в ресторанчик «Бриллиантовая рука», где имел обыкновение проводить свой обеденный перерыв. Ресторанчик был удобен, во-первых, тем, что располагался в непосредственной близости от здания областной прокуратуры, а, во-вторых, тем, что имел несколько укромных кабинетов, где можно было спокойно насладиться трапезой, без раздражающего сопровождения громкой музыки и шума случайной подгулявшей компании, и не рискуя, как писал классик, «получить виноградной кистью по морде от первого попавшего молодого человека...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.